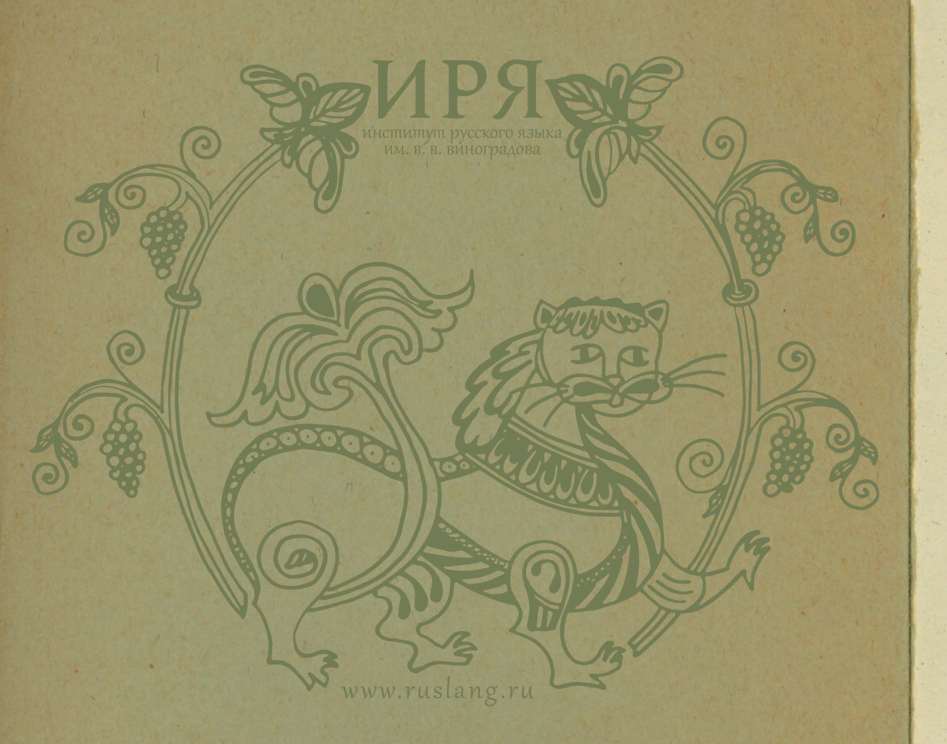
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

ПРОСПЕКТ
ПРОБНЫЕ СТАТЬИ

Москва 1963

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

(праславянский лексический фонд)

ПРОСПЕКТ.
ПРОБНЫЕ СТАТЬИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1963

Настоящий Проспект составлен О. Н. Трубачевым. Положения Проспекта и его пробные словарные статьи обсуждались автором совместно с сотрудниками группы Этимологического словаря славянских языков (Институт русского языка АН СССР) и в беседах с составителями Праславянского словаря (Институт славяноведения Польской Академии наук, Краков).

ПРОСПЕКТ

I. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Этимологический словарь славянских языков (сокращенно здесь и ниже — ЭС) — это справочник, преследующий цели объединения исчерпывающей информации о составе, словообразовании, этимологии и этимологической литературе праславянского лексического фонда.

II. ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Прежде чем обратиться к обоснованию необходимости ЭС в настоящее время, к более подробной характеристике его задач и профиля, считаем нужным напомнить в некоторых существенных чертах в общем уже достаточно хорошо известную историю предшествующих опытов разработки названной темы, несколько пополнив ее сведениями о близких работах, ведущихся в наше время. Говоря об истории, мы невольно чувствуем себя обязанными и здесь представить ее как определенную эволюцию, как смену этапов. Действительно, удобнее всего в данном случае говорить о смене этапов, которые выделяются довольно четко и вполне поддаются осмыслению в связи с общим ходом развития языкознания, в частности — славянского.

Если не начало, то во всяком случае вершину первого этапа представляет вышедший в 1886 году «Этимологический словарь славянских языков» Франца Микло-

шича[1], которому предшествует целый ряд предварительных работ, главным образом того же автора, основанных на тех же принципах и содержащих богатый этимологический материал, например его многотомная сравнительная грамматика славянских языков. Заняться подробным разбором названного словаря Миклошича сейчас значило бы впасть в анахронизм, тут можно отослать к обширным рецензиям-дополнениям Р. Ф. Брандта, особенно — А. Брюкнера, Ф. Ф. Фортунатова и др.; однако, как кажется, правильную оценку характера и значения словаря Миклошича могут дать не они и не им подобные новые опыты, а только общая принципиальная характеристика в соответствии с намечаемой здесь периодизацией. Поэтому мы ограничимся определением словаря Миклошича как выражения примата старославянского языка, не только бесспорного и сейчас примата внешней, письменной фиксации, но также и главным образом примата древности языковых форм, что позволяло Миклошичу ставить старославянские по сути дела формы (можно упомянуть трактовку некоторых сочетаний гласных с плавными, группы *št*, *žd* и др.) как заглавные слова, исходные формы для всех прочих славянских. Эта направленность словаря Миклошича составляет суть первого этапа рассматриваемой нами истории разработки этимологического словаря славянских языков. Вся последующая эволюция научных взглядов в этой области явилась преодолением концепции абсолютного примата старославянского языка, постепенной эмансипацией остальных славянских языков, которая вместе с тем осуществлялась гораздо медленнее и поверхностней, чем кажется на первый взгляд.

Безусловный конец первого и начало нового, второго этапа ознаменовал собой выход с 1908 года «Славянского этимологического словаря» Эриха Бернекера[2], который в упомянутом отношении представляет большой шаг вперед сравнительно с трудом Миклошича. Подчеркнем, что речь идет не о значительном количестве новых этимологий у Бернекера, так как и в словаре Миклошича

---

[1] F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

[2] E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908 и след.

при всей лаконичности формы нашел выражение этимологический гений автора, и тогда нам не пришлось бы говорить о принципиальном различии между ними. Дело в том, что Бернекер впервые широко применил реконструкцию праславянских форм, что самое понятие праславянского он впервые ввел в методику словаря подобного типа в общем в соответствии с характерным именно для славянского языкознания того периода усилением внимания к понятию праславянского языка вплоть до попыток его грамматических описаний (И. Ю. Миккола, Г. А. Ильинский). Как будто именно это принципиальное отличие словарей Миклошича и Бернекера не привлекало до сих пор к себе должного внимания. Вторая характернейшая особенность словаря Бернекера и — как увидим дальше — не только его, но и других таких работ этого второго этапа состоит в том, что окончательно сложился как тип с л о в а р ь - к о л л е к ц и я. Так, Бернекер наряду с формально реконструированными праславянскими образованиями дает массу новых заимствований[3] и в этом смысле состав его словаря еще более противоречив, чем у Миклошича. Уже тогда намечается разрыв между фонетико-морфологической реконструкцией и словообразовательно-лексической реконструкцией, причем первая уже в то время достигла высокого уровня, почти удовлетворяющего нашим современным требованиям. Что касается словообразовательно-лексической реконструкции, то она практически еще не существовала, находилась в младенческом состоянии, последствия которого мы ощущаем и сейчас на каждом шагу, тем более что и теперь мы не очень далеки в возможностях словообразовательно-лексической реконструкции от эпохи Бернекера. Как бы то ни было, но принципиальное отличие этого второго этапа от третьего, который находится сейчас еще в самом начале, в том, что воссоздание слов и отбор старых словообразовательных моделей — такие актуальные вопросы для настоящего времени — еще не стояли перед Бернекером. Основным требованием современного, третьего этапа истории разработки этимологического словаря славянских языков является, таким

---

[3] См. об этом О. Н. Т р у б а ч е в. Принципы построения этимологических словарей славянских языков. — ВЯ, 1957, № 5, стр. 58 и след.

образом, создание словаря-реконструкции. Далее мы специально займемся обсуждением актуальных проблем современного этапа, здесь же отметим, что словарь-реконструкция относится еще почти целиком к области благих пожеланий славянского языкознания, славянской этимологии, а то, что мы имели до сих пор и, возможно, даже то, что еще должно увидеть свет, есть не более как реализация типа словаря-коллекции, идет ли речь о включении поздних заимствований или избранных, «наиболее интересных» диалектизмов. Поэтому второй этап, затянувшийся то ли по причине войн, то ли ввиду крайне затруднённого проникновения идей реконструкции вообще в методику исследования словаря, продолжается и сейчас, с ним приходится считаться в полной мере, его идеи, теперь уже тормозящие прогресс в этой области языкознания, необходимо преодолевать. Из крупных работ и замыслов этого рода здесь могут быть названы оставшийся в рукописи капитальный труд Г. А. Ильинского, а также, насколько известно, очень живучая до сих пор идея завершения труда Бернекера, остановившегося в 1914 году на слове *morъ*, и, кроме того, другие возможные издания (см. ниже).

«Этимологический словарь славянских языков» Г. А. Ильинского, которому не суждено было увидеть свет, если не считать нескольких проб с предпосланной им краткой характеристикой труда в целом[4], представляет собой огромную рукопись, почти готовую к печати, но в значительной мере утратившую сейчас свою научную актуальность. Речь идет, собственно, о варианте типа словаря Бернекера, громоздком и нерациональном словаре-коллекции с включением всевозможных поздних заимствований в искусственной «праславянской» транскрипции. В свое время уже писалось о тщательном выполнении этой работы, которая всегда останется для нас памятником трудолюбию ее автора. Однако наука уже ушла от тех принципов, по которым построен словарь Ильинского, и мы понимаем сейчас задачи и перспективы создания нового ЭС совсем иначе. Точно так же,

---

[4] О. Н. Трубачев. Этимологический словарь славянских языков Г. А. Ильинского. — ВЯ, 1957, № 6, стр. 91 и след. — Рукопись названного словаря хранится в настоящее время в секторе библиографии и издания памятников Института русского языка АН СССР.

естественно, может быть определено наше отношение к популярной до сих пор мысли об окончании словаря Бернекера. Не стоит, впрочем, смешивать разных вещей. Так, достоин глубокого сожаления факт, что замечательный в целом ряде отношений словарь Бернекера остался не доведенным до конца в свое время. Вместе с тем сказанное не исключает нашего категорического несогласия с новыми попытками закончить словарь Бернекера, иначе — написать сейчас словарь от M до Z по принципам Бернекера. Серьезная попытка такого рода предпринималась И. М. Коржинеком, который оставил после себя значительные материалы. Согласно неофициальным сведениям, к проектам завершения словаря Бернекера возвращаются в последнее время в ФРГ. В этой связи следует специально упомянуть близкую работу в Чехословакии, ведущуюся вот уже около десяти лет группой этимологического словаря славянских языков под руководством В. Махека в филиале Славянского института Чехословацкой Академии наук в Брно. Правда, насколько известно, ни пробные части, ни более пространное изложение принципов этого словаря в виде проспекта в печати еще не появлялись, поэтому мы не располагаем материалом для суждения о его характере, если не считать предварительной, судя по всему, статьи Махека о проблематике славянского этимологического словаря и его же доклада на конференции в январе 1954 года по программе славянского этимологического словаря[5], а также наших собственных впечатлений о посещении группы этого словаря в мае 1958 года. Важно указать, что в словарь, подготавливаемый в Брно, вошла картотека Коржинека, который ставил перед собой задачу завершить труд Бернекера. Все эти данные скорее могут говорить о том, что брненский коллектив ученых

---

[5] V. Machek. O potřebě a problematice slovanského etymologického slovníku. — «Slavia», roč. XXII, seš. 2—3, 1953; «Slavia», roč. XXIV, seš. 1, 1955, стр. 141 (Zprávy: Koference o slovníku jazyka staroslověnského a o etymologickém slovníku jazyků slovanských). — Проф. В. Махек в письме от 28. V. 1962 г. любезно сообщил мне, что работа брненского коллектива по-прежнему сосредоточена на собирании материала по лексике и этимологии (уже эксцерпировано св. 800 томов различной литературы), а также подтвердил близость к принципам Бернекера; разработка структуры статей и подготовка дискуссионного выпуска являются пока еще делом будущего.

(В. Махек, А. Матл, Ф. Копечный, Э. Гавлова, Г. Плевачова) по своим принципам ближе примыкает к Бернекеру, хотя, подчеркиваем, это наше мнение нуждается в проверке, которую мы вынуждены отложить до выхода словаря в Брно.

Как уже сказано выше, знамением третьего, современного этапа истории разбираемого вопроса является обращение к словарю-реконструкции как к наиболее актуальной цели в этой области науки. Положения дел не меняет и то обстоятельство, что мы пока не можем назвать ни одного славянского этимологического словаря такого типа. Обращение к словарю-реконструкции симптоматично, и именно в этом плане надлежит строить новый ЭС. Один опыт словаря такого рода уже существует, — это небольшое пробное издание «Słownik prasłowiański. Zeszyt próbny» (Kraków, PAN, 1961, IX + 66 стр., ротапринт). Знакомство с пробным выпуском Праславянского словаря в Кракове (сокращенно обозначим ПС), отражающим несколько лет работы над названным словарем, весьма поучительно, а критическая оценка его принципов просто необходима в целях правильного определения задач ЭС, поэтому мы позволим себе специально остановиться здесь и ниже на характеристике ПС. Сразу следует отметить, что ПС — не этимологический словарь в полном смысле и что он возник в итоге работ иного плана. Но нас в первую очередь интересует в ПС не этимология, а подача словника, т. е. в данном случае — реконструкция словника. Можно спорить о том, пришла ли славянская этимологическая лексикография к идее необходимости реконструированного праславянского словника в результате своего внутреннего развития или внешнего импульса. Но сейчас представляется несомненной важность широкого применения словообразовательно-лексической реконструкции в новом ЭС. Поэтому для нас представят интерес следующие слова основателя ПС Т. Лер-Сплавинского из его краткого предисловия к пробному выпуску: «...словарь должен воспроизводить лексический фонд конца эпохи существования праславянского языкового единства, таким образом приблизительно — IV—V вв. нашей эры. Реконструкцию этого фонда мы осуществляем прежде всего на основе лексического материала, общего в настоящее время или исторически всем или нескольким славянским языкам,

принимая во внимание все обстоятельства, которые могут свидетельствовать о древнем, праславянском происхождении слова, даже если оно засвидетельствовано только в одном языке... В тех случаях, когда какое-то праславянское слово находит точное структурное и семантическое соответствие в индоевропейском материале, мы отмечаем это соответствие, чтобы показать непрерывность существования слова с праиндоевропейских времён»[6].

Разумеется, почва для нового ЭС на базе реконструированного праславянского словника подготовлена не только благодаря более или менее внешним импульсам вроде названного выше, но и, может быть, не в меньшей степени — ходом внутреннего развития этимологии: от исключительного внимания к корню (корневая этимология — гнездовой способ расположения материала в словаре) через спорадический учет суффиксальных, словообразующих морфем — к этимологии лексемы с первоочередным учетом словообразовательной модели, словообразовательных морфем (максимально расчлененная подача словника в этимологическом словаре, актуальность выявления цельнолексемных соответствий и параллелей за пределами славянского). Таким образом, логика собственного развития этимологии от корневой этимологии к словообразовательной, намечающаяся за последнее время переориентация этимологии в указанном смысле с первостепенным вниманием к живому, цельному слову рождает настоятельную потребность в словаре-реконструкции. С другой стороны, думается, что именно словарь-реконструкция теснейшим образом связан с современной проблематикой этимологии. Однако к этому вопросу мы еще вернемся в следующих разделах работы.

Пробный выпуск ПС, базирующийся на специальной картотеке, с которой составителю настоящего проспекта удалось лично ознакомиться на месте, представляет собой небольшую тетрадь, куда помимо краткого предисловия и небольшой библиографии входит свыше ста пробных статей будущего ПС. Чтение этого дискуссионного выпуска наводит как будто на мысль о том, что

---

[6] «Słownik prasłowiański», стр. I—II; T. Lehr-Spławiński, F. Sławski. Z pracowni Słownika prasłowiańskiego. — RS, t. XX, 1958, стр. 3; Z. Gołąb, K. Polański. Z badań nad słownictwem prasłowiańskim. — «Slavia», roč. XXIX, 1960, стр. 525.

подбор словарных статей осуществлен в нем недостаточно разнообразно и не в полной мере выполняет свою задачу отражения наиболее типичных, по крайней мере, проблем реконструкции праславянского словарного состава. По-видимому, наиболее важным и интересным был бы не охват всех частей речи, что предпринято в рассматриваемом выпуске ПС (см. предисловие Т. Лер-Сплавинского, стр. II—III), а максимальная иллюстрация наиболее узловых и трудных моментов именно словообразования, словообразовательной реконструкции, а не грамматики. Непоследовательно и робко даются приставочные образования, что не может не сообщить однобокости получаемому в результате такого отбора праславянскому словарному составу. Некоторые слабости концепции ПС находятся, вероятно, в связи с историей его возникновения. Так, инициатор ПС Лер-Сплавинский провел более двадцати лет назад скорее с популярно-научных позиций исследование праславянского элемента в лексике образованных слоев польского общества, к результатам этого исследования возвращался позднее сам автор, кроме того, под прямым влиянием этого образца и по той же схеме в Кракове проводились и проводятся сейчас аналогичные обследования на материале других славянских языков. Все эти работы можно было бы упрекнуть в узости привлекаемой лексической базы (лексика «образованных слоев», словарь литературного языка) и в недостаточности учета различных словообразовательных моделей (подавляющее большинство отбираемых лексических единиц, составляющих праславянский элемент, — корневые, более или менее представлены суффиксальные образования, хуже всего обстоит дело с префиксальными). В некоторых отношениях эти слабости преодолены в непосредственной работе над ПС, которая ведется сейчас в Кракове небольшим коллективом молодых ученых под руководством Ф. Славского. Можно надеяться, что ими будут учтены и соответствующие недостатки пробного выпуска ПС. Но пока что по-прежнему уязвимые места ПС, его концепции и его материалов — это некоторая ограниченность лексической базы (мало диалектных материалов, постоянная опасность пробелов и неточно очерченных географических ареалов) и неполнота отражения словообразовательных форм и моделей.

Этимология допускается в ПС только на уровне вспомогательного критерия и главным образом — в виде указания и комментирования цельных соответствий в других индоевропейских языках. При всем том, хочется отметить, что между неэтимологическим по своим задачам ПС и новым ЭС, проспект которого мы предлагаем, точек соприкосновения, пожалуй, не меньше, а больше, чем, например, между этимологическим словарем Бернекера, с одной стороны, и нашим ЭС — с другой. В то же время ПС и ЭС — это два самостоятельных словаря с отличными задачами. Определением сущности ЭС мы начали настоящий проспект. Суть задач ПС сводится к тому, чтобы дать живой праславянский лексический состав конца праславянской эпохи (см. выше). Исходя из тех же установок, ЭС не делает их самоцелью, будучи главным образом этимологическим справочником, что в задачи ПС уже не входит. Важнейшая точка соприкосновения ЭС и ПС — реконструкция праславянского лексического фонда, но это не следует понимать как нерациональное дублирование задач, как раз напротив — здесь таится ресурс взаимоконтроля будущих результатов, тем более что практические пути осуществления одной задачи такого рода будут обязательно различаться, особенно если принять во внимание современное состояние наших знаний о составе праславянского словаря.

Таким образом, наиболее трудоемкая задача при построении каждого из названных двух словарей — реконструкция праславянского лексического фонда. Практический подход и методика проведения реконструкции у составителей ПС и ЭС существенно различаются, о чем говорится ниже, в соответствующем месте проспекта.

III. НЕОБХОДИМОСТЬ В ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ НА ДАННОМ ЭТАПЕ. АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ И ПРОФИЛЬ СЛОВАРЯ

1) Новый ЭС как словарь-реконструкция, снабженный полным этимологическим аппаратом и этимологическим анализом, представляет собой труд, необходимость в котором явно назрела; появление ЭС подготовлено объективным развитием этой области лингвистической науки. Мы видели, что со времен Бернекера произошел боль-

шой сдвиг в самой теории славянского этимологического словаря, что делает задачу создания нового ЭС одной из серьезнейших и актуальнейших задач славянского и индоевропейского сравнительно-исторического языкознания[7]. Накоплен за это время также большой фактический материал, который еще только предстоит использовать и обобщить в новом ЭС; достаточно сказать, что большинство славянских языков получило после выхода словаря Бернекера новые многотомные толковые словари, не говоря о множестве менее крупных словарей и материалов.

2) Проблемы праславянской лексической реконструкции и этимологии столь неразрывно связаны, что объем темы ЭС как будто не может вызывать сомнений. Всякие сужения темы, например за счет этимологии, могут иметь смысл только в том случае, когда словарь служит более ограниченной цели, ср. то, что уже известно о ПС.

3) Разработка принципов нового ЭС имеет значение для теории славянской этимологической лексикографии в смысле окончательного определения границ общего и частного этимологического словаря. Речь идет о разной степени актуальности проблемы словника в словарях того и другого типов, так как одно дело — праславянский словник как результат сложной и во многом проблематичной реконструкции, а другое дело — словник этимологического словаря отдельного славянского языка, составленный из непосредственно засвидетельствованных лексических единиц и включающий в себя многое из того, что остается за чертой праславянского словника: поздние заимствования, новообразования периода самостоятельного развития данного языка, практически — все нуждающееся в этимологизации в лексике языка, в том числе и то, что вошло из данного языка в праславянский словник. Мы хотели бы настоять на последнем пункте, хотя он уже выходит, строго говоря, за рамки проблематики этого проспекта. Дифференциальный принцип отбора лексики не оправдал себя почти нигде, кроме того, праславянское слово, прослеженное в истории, географии и языковых ассоциациях периода самостоя-

---

[7] Ср.: О. Н. Трубачев. Задачи этимологических исследований в области славянских языков. — «Актуальные проблемы славяноведения» (КСИС № 33—34). М., 1961, стр. 204.

тельного развития отдельного языка, может выступить в частном этимологическом словаре с собственной этимологической проблематикой[8].

4) Следовательно, задачи при создании нового ЭС таковы: а) реконструкция праславянского лексического фонда, б) справочник по этимологии, в) справочник по праславянскому словообразованию.

IV. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА КАК ЧАСТЬ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Реконструкция — как внутренняя, так и внешняя, если не лучше говорить в данном случае о единой реконструкции, использующей все резервы от внутренних до внешних, от современных фактов языка до древнеписьменных данных — является в отношении праславянского конкретного словаря (а не репертуара праславянских корней) делом большой сложности, едва ли не самым трудным из совокупности аспектов реконстукции праславянского языка. Гораздо легче поддаются реконструкции регулярные фонетические черты и парадигматические данные грамматики, на что в свою очередь нужно постоянно опираться при реконструкции праславянского лексического (лексико-словообразовательного) фонда. Дело в том, что, при всей разнородности средств реконструкции праславянского лексического фонда и большом проценте неясных и двусмысленных случаев, перед реконструкцией праславянского лексического фонда открыты известные возможности, которые надлежит всемерно множить. Перспективы этого предприятия могут оказаться весьма значительными.

Временны́е рамки реконструкции праславянского лексического фонда — это в известном приближении эпоха конца существования праславянского языка, что находит выражение в нашем отборе характерных признаков и внешне — в применяемой фономорфологической рекон-

---

[8] В уже цитировавшейся выше статье о принципах построения этимологических словарей славянских языков (ВЯ, 1957, № 5), написанной шесть лет назад, высказываются слишком строгие суждения относительно целесообразности славянского этимологического словаря.

струкции, в транскрипции. Эпоха конца существования праславянского языка избирается как наименее удаленная от первой письменной фиксации и, следовательно, лучше всего известная. Предполагается, что к этому времени уже почти полностью осуществились основные тенденции фонетического развития, которые в начальный период истории праславянского языка еще только обозначились. Поэтому фономорфологическая транскрипция праславянского словника ЭС фиксирует результаты главных тенденций праславянской фонетической истории — повышения звучности слога (открытые слоги) и палатализации. Таким образом, если говорить о нижнем пределе фонетической реконструкции, то регулярно даются *č*, (*d*)*ž*, *š*, а не **k*, **g*, **x* перед гласными переднего ряда (само собой разумеется, что дальнейшие шаги вглубь истории предпринимаются в этимологической части статей словаря), *n'*, *l'*, а не *nj*, *lj* (принимая во внимание такую характерную черту фонетической истории славянского, как тесное слияние согласных с *j*, т. е. *nj*, *lj* > *n'*, *l'*, мы пользуемся йотом в фономорфологической транскрипции позднепраславянского строго ограниченно, так, в конце слова *j* всегда служит символом морфемы, в прочих позициях *j* выступает как символ сонорного призвука, развивающегося при зиянии или перед гласным началом слова). Отлично от этой практики и в известном смысле условно — как сочетания согласного с *j* — мы вынуждены передавать те группы, завершение эволюции которых в духе названной выше общей тенденции палатализации относится уже ко времени, когда мы не можем говорить о праславянском, — к периодам самостоятельного развития славянских языков. Поэтому мы даем символы *tj*, *dj*, а не $t'^{\check{s}'}$, $t'^{s'}$, $d'^{\check{z}'}$, $d'^{z'}$ [9]. Кстати, об условности фономорфологической транскрипции позднепраславянских форм и слов: заметим, что символические изображения, в которых фигурирует праславянский словник ЭС, не нужно понимать как фонетическую транскрипцию, передающую реальное во всех деталях произношение; это фономорфологическая транскрипция, дающая представление о фонемном и мор-

---

[9] Ср., напр.: Л. Э. Калнынь. Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. М., 1961, стр. 7. — Точно так же мы даем *pj*, *bj*, *vj*, а не $p^{l'}$, $b^{l'}$, $v^{l'}$.

фемном составе слова. Ту же мотивировку предполагает условный символ праслав. *kt'* (иначе — палатализованное *kt* перед гласными переднего ряда, результаты палатализации которого определились по-разному в разных славянских языках, ср. продолжения праслав. **nokt'ь*). Сочетания с плавным *ort*, *olt*, *tort*, *tolt*, *tert*, *telt* даются в состоянии до метатезы, результаты которой по отдельным славянским языкам носят местный характер. С другой стороны, монофтонгизация раннепраславянских дифтонгов предполагается уже совершившейся.

Таким образом, мы видим, что фономорфологическая реконструкция (и транскрипция) праславянского словника ЭС может быть определена как хронологически приуроченная и в разной мере отражающая проявления основных тенденций праславянского фонетического развития — палатализации и повышения звучности в связи с неодинаковым темпом осуществления последних.

К названным выше тенденциям примыкают отдельные явления, носящие характер сингармонизма. Так по нашему мнению может быть объяснено наличие формы суффикса *-ьnь* наряду с вариантом *-ьnъ*. Связь между обоими вариантами, видимо, можно представить исторически как *-ьnъ* > *-ьnь*, точнее — как групповой палатальный сингармонизм *-i-no-* > *-i-n'o-* > *-i-n'e-*. Вопрос этот очень сложен, так как он влечет за собой необходимость объяснения по сути целого комплекса вопросов: взаимоотношения между суффиксальными вариантами *-ьnъ* и *-ьnь*, распределение обоих вариантов на славянских территориях, фонетический (указанным образом) или словообразовательно-морфологический (*-n*, + *-jo-*) способ образования варианта *-ьnь*. Все перечисленные конкретные вопросы имеют огромное значение для проведения реконструкции праславянского словника, особенно если представить себе, какую роль играл *-n*-овый суффикс при оформлении праславянских прилагательных. Недостаточно ясно отношение к соответствующим фактам балтийского (мы имеем в виду факты вроде лит. *auksìnis*, *sidabrìnis* и их объяснение как производных на *-ja-* от более старых прилагательных на *-na-* *áuksinas*, *sidābrinas*[10]. В литературе уже указывалось, что в зави-

---

[10] P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, стр. 245.

симости от наличия *-ьnъ* или *-ьnь* современные славянские языки разделяются более или менее четко на две группы, одну из них образуют лехитские языки вместе со словацким, в которых господствует и успешно вытесняет иные огласовки суффикс *-ny* < *-ьnъ*, в другую группу входят чешский язык, затем — восточнославянские и южнославянские с преобладанием в них продолжения *-ьnь*[11].

Коснемся некоторых моментов морфологического и словообразовательного аспектов реконструкции праславянского лексического фонда, которые не всегда легко отделить друг от друга, как, впрочем, в иных случаях и от фонетического аспекта. Пример с глагольным формантом *-nǫ-ti* показателен в плане нижней границы праславянской реконструкции. Мы восстанавливаем в духе изложенных выше принципов позднепраславянской реконструкции лексемы **sъxnǫti*, **dvignǫti*, хотя вообще вероятная реконструкция идет здесь довольно уверенно дальше и на основе таких внутренних резервов, как русск. *миновать*, цслав. двигновенъ восстанавливает более первоначальный вид суффикса *-nǫti*: *-nuti*[12]. Реконструированные формы имен прилагательных даются, как правило, в местоименной, членной форме, по-видимому наиболее употребительной в связной речи, во всяком случае — наиболее активной и определенной уже с праславянского периода, за вычетом таких исключительных категорий, как последовательно краткие формы притяжательных прилагательных на *-ovъ*, *-inъ*[13]. Таким образом, мы реконструируем праслав. **nokt'ьnъjь*, **morьskъjь*, а не **nokt'ьnъ*, **morьskъ*. Приведенное соображение оправдано в такой же степени, как, например, принятое в современных словарях — в отличие от словарей XIX века —

---

[11] См.: И. Леков. Словообразователни склонности на славянските езици. София, 1958, стр. 56 (со ссылкой на работу М. Куцалы, — JP, t. XXXV, 1955, стр. 15 и след.).

[12] И. Эндзелин. О происхождении праславянских инфинитивов на *-nǫti*. — РФВ, т. XVIII, 1912, стр. 370—372; см. в последнее время: П. С. Сигалов. О структуре глаголов с суффиксом *-ну-/н-* в русском языке. — «Вестник ЛГУ», № 20, 1961, стр. 89 и след. Иначе см. G. Jacobsson. Le suffixe verbal *-nǫ-* en slave. Göteborg, 1951.

[13] См. специально: Н. И. Толстой. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке. — ВСЯ, 2, 1957, стр. 43 и след.

фиксирование древнеиндийских слов не с -*s* конечным (*sarvas*), а с результатом изменения последнего именно в связной речи — -*ḥ* (*sarvaḥ*). Менее рекомендуется механическое отсечение местоименного показателя -*jь* во всех буквально случаях (праслав. **dobrъ* вместо **dobrъjь*) для всех языков, проводимое обычно всеми этимологическими словарями и новейшим «Праславянским словарем». При этом неизбежно насилие над материалом, нередко при незнании условий местоименного оформления именно этого конкретного случая, где местоименное -*jь* может быть обусловлено лексически, может восходить к древней эпохе. Не желая навязывать, подменять одну предвзятую схему другой, мы предложили бы при реконструкции, например, праславянского состояния старославянских фактов давать в реконструированном виде прилагательное с сохранением его полноты *resp.* краткости, т. е. здесь, как, впрочем, и в других случаях нужно стремиться к тому, чтобы освободить (праславянскую) реконструкцию от предвзятого схематизма, от внушений иного, более авторитетного языка и придать ей гибкость, осуществлять принципы восстановления праславянских форм более дифференцированно, с тем чтобы реконструкция по возможности не вступала в противоречие с реальной, живой формой языка, послужившей для нее основой. В собственно этимологической части статьи допустимо оперировать краткой формой (**morьskъ*, **morьska*, ж. р., ср. герм. **mariskō*, ж. р.) или заглавной формой статьи, снабженной дополнительными символами морфемного членения (**morьskъ-jь* . . .).

Принципиально важным понятием для реконструкции праславянского лексического состава является воспроизводство словообразовательной модели. Выделяя новообразования при реконструкции, мы не должны забывать, что число абсолютных новообразований, по-видимому, весьма невелико, что, напротив, огромное большинство случаев содержит новые черты наряду со старыми чертами, старой структурой, или представляет собой фактически повторение старых моделей в новых условиях, с добавлением новых, регуляризирующих, тематизирующих особенностей. Исходя из длительной устойчивости основного репертуара словообразовательных моделей и снимая вторичную тематизацию, регулярные черты позднего происхождения, мы сможем при-

близиться к решению задач словообразовательно-морфологической реконструкции. Так, цслав. **сѣꙗтель** 'seminator' реконструируем как праслав. диал. **sětelь* (см. Пробный выпуск, ниже), сняв глагольную тематизацию *sě-ja-telь* (: *sě-ja-ti*). Перед нами правило довольно общего значения, проверяемое на материале разных индоевропейских языков. Например, греч. ἄρ-ο-τρον и лат. *ar-a-trum* можно примирить друг с другом как лексемы, продолжающие и.-е. **arətrom*, только в том случае, если мы объясним в них вокализм конца основы как вторичное проникновение глагольной темы, ср. соответственно ἀρ-ό-ω, *ar-a-re*. С другой стороны, если перед нами русск. *сгорсдить* и *обгорсдить*, для которых мы можем чисто условно восстановить праслав. **obgorditi* и **obъgorditi*, то, скорее всего, вторая из этих лексем уже не является праславянской, а образована довольно поздно и воспроизводит старую модель в новых условиях. Иногда в целых категориях слов первоначальное отношение бывает затемнено в результате радикального перераспределения форм. Мы наблюдаем это на примере такой характернейшей словообразовательно-морфологической черты польского языка, как экспансия приставки *prze-* и почти полное отсутствие приставки **pro-*. Вполне очевидно, что праславянские диалекты, легшие в основу польского, знали и префикс **per-* (откуда польск. *prze-*) и префикс **pro-*. Но позднее наступило такое перераспределение, в ходе которого абсолютно возобладал рефлекс одного праслав. **per-*. В результате **pro-* было вытеснено, а *prze-* вобрало в себя все функции прежнего *pro-*. Так, различным по значению праслав. **perbiti* и **probiti* (ср. русск. *перебить — пробить*, ст.-слав. **прѣбити** 'сломать' — **пробити** 'пробить'[14]) соответствует теперь формально одно польск. *przebić*, праславянским **perxoditi* и **proxoditi* — польск. *przechodzić*. Ясно, что целью реконструкции праславянского словника ЭС является снятие по возможности этих вторичных местных выравниваний. См. еще статью **prodati* в Пробном выпуске, ниже.

Важнейшим и вместе с тем труднейшим вопросом реконструкции праславянского лексического фонда

---

[14] S. Słoński. Funkcje prefiksów werbalnych w języku starosłowiańskim (starobułgarskim). Warszawa, 1937, стр. 207; И. Леков. Указ. соч., стр. 19.

в плане отбора словника ЭС (о котором см. ниже) представляется отбор видовых форм глагола (именно видовых, так как временные формы как парадигматические в основном не войдут в словник ЭС на правах заглавных слов статей. В словник войдут глагольные формы, для которых мы можем предполагать известную лексическую самостоятельность в позднепраславянскую эпоху. Вопрос видового формообразования сложен, так как охватывает проблемы грамматические, словообразовательно-лексические и фонетические. Грамматическое осмысление почти всегда вторично, особенно если речь идет о достаточно древних приставочных образованиях, напротив, справедливо обращалось внимание на примат словообразовательно-лексического акта в таких случаях, особенно в перфективируемых образованиях (ср. ценные доклады Ю. С. Маслова, В. Махека на IV Международном съезде славистов в Москве 1958 года). Мы согласны с мнением о меньшей актуальности видового противопоставления в праславянском («общеславянском», см. доклад А. Мазона на IV съезде славистов), поэтому видовая характеристика имеет для нас меньшее значение, чем словообразовательно-лексическая, тем более что наш материал тоже довольно недвусмысленно говорит против древности первой из них (см. Пробный выпуск: **poznati*). Практическое значение для отбора при реконструкции праславянского лексического фонда, дающее основание для отсева значительного числа форм несовершенного вида, имеет указание Ю. С. Маслова на производный и вторичный характер имперфективации в славянских языках. Многочисленные имперфективирующие суффиксальные словообразовательные модели, весьма разнящиеся в отдельных славянских языках, могут остаться за рамками отбираемого праславянского словника ЭС. Очень важны новейшие попытки пересмотра начальных стадий видовой эволюции для уточнения методики отбора праславянской лексики, особенно такого проблематического и нового для этимологических словарей материала, как приставочные глаголы. Считается, что расцвет префиксации относится уже к периоду после праславянского. В соответствии с этим мы не берем образования, не имеющие устойчивой лексической характеристики, гипертрофированные двухприставочные и т. п. Вместе с тем в согласии с исследовате-

лями (С. Слонский, А. Достал, Ю. С. Маслов) мы считаем необходимым учесть наиболее ранние типы приставочных образований, выражающих разные способы действия: результативный (*po-*, *u-*, *sъ-*, *iz-/vy-*, *o(b)-*, *za-*), начинательный (*vъz-*, *za-*, *pro-*), ограниченнодлительный (*po-*), результативно-кратный (**iznositi*, **vynositi*)[15].

Особый случай представляют приставочные глагольные образования, созданные по иноязычному образцу и кальки; таких примеров множество в книжном старославянском языке переводов с греческого, контакт славянских языков с неславянскими породил немало таких образований повсюду, ср. блр. *павéзцi* 'увезти', особенно — *пабéгчы* 'убежать' с употреблением *па-* (*по-*), отличным от русского и других славянских, но близким лит. *pabėgti* 'убежать', *paspruktí* 'удрать'. Здесь можно предполагать иноязычное влияние, и такие примеры не войдут в реконструируемый словник.

Следующий важный аспект проблемы реконструкции праславянского лексического фонда обладает сложным характером: это лингвистическая география, точнее — география праславянских слов и одновременно — проблема состава праславянского словаря и, наконец, — проблема диалектного членения праславянского языка в плане данных о праславянском словаре. Начнем с последней проблемы как наиболее внешней по отношению к содержанию настоящего проспекта.

Тема диалектного членения праславянского языка весьма популярна в научной литературе в течение нескольких последних десятилетий; здесь достаточно назвать Трубецкого, ван Вейка, Лер-Сплавинского, которые активно разрабатывали проблему диалектного членения праславянского и дали основные работы в этой области[16]. Мы вынуждены остановиться на названной

---

[15] A. Mazon. L'aspect des verbes slaves (principes et problèmes). Moscou, 1958; Ю. С. Маслов. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. М., 1958; V. Machek. Sur l'origine des aspects verbaux en slave. «Славянская филология», III. М., 1958, стр. 38 и след.

[16] N. Troubetzkoy. Essai sur la chronologie de certains faits phonétiques du slave commun. — RES. t. 2, 1922, стр. 217; M. van Wijk. O dwóch okresach w rozwoju języka prasłowiańskiego i o ich znaczeniu dla językoznawstwa ogólnego. — «Prace polonistyczne, ofiarowane prof. J. Łosiowi», Warszawa, 1927,

проблеме очень кратко и поэтому не излагаем ни состояния вопроса в литературе, ни развернутой аргументации в пользу новой точки зрения, тем более что основные материалы здесь еще не собраны и целесообразно пока говорить только о постановке вопроса. Но необходимо хотя бы назвать основные пункты традиционной концепции, нуждающиеся в пересмотре, а также наметить некоторые новые возможности. Обычно выделяют по крайней мере два периода истории праславянского языка: первый период без диалектных черт и второй период, когда наступает разделение на праславянские диалекты (менее существенные варианты в концепциях отдельных учёных здесь опускаем). С первого же взгляда бросается в глаза преимущественно дивергентное понимание исследователями праславянских диалектных различий как имеющих отправную точку в первоначальном полном единстве. Диалектное членение праславянского всегда якобы вторично, оно представляет собой диалектную дифференциацию. Интересно отметить, что в общем каждый из названных исследователей понимает необходимость изучать любой реконструируемый праязык как живой язык, состоящий из диалектов. Правда, раньше всего эти идеи укоренились в практике изучения праиндоевропейского, где они, действительно, более очевидны[17]. Относительная близость славянских языков тормозила более широкое внедрение таких принципов изучения в исследования праславянского. Иначе следовало бы более широко использовать опыт лингвистической географии, исторической диалектологии отдельных славянских языков. Например, какой поучительной мо-

---

стр. 395; Н. ван Вейк. К истории фонологической системы в общеславянском языке позднего периода. — «Slavia», roč. XIX, seš. 3—4, 1950, стр. 293; N. van. Wijk. Les langues slaves. De l'unité à la pluralité, 2-e éd., 's-Gravenhage, 1956; T. Lehr-Spławiński. O dialektach prasłowiańskich. — «Sborník prací I. Sjezdu slovanských filologů v Praze 1929». Praha, 1932, стр. 577; T. Lehr-Spławiński, W. Kuraszkiewicz, F. Sławski. Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich. Warszawa, 1954, стр. 34; T. Lehr-Spławiński. Szkic dziejów języka prasłowiańskiego. — «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», 3. Warszawa, 1958, стр. 243 и след.; ср. в последнее время работу молодого исследователя: A. Furdal. Rozpad języka prasłowiańskiego w świetle rozwoju głosowego. Wrocław, 1961.

[17] См.: V. Pisani. La ricostruzione dell'indeuropeo e del suo sistema fonetico. — AGI, vol. XLVI, fasc. 1, 1961, стр. 11, 31.

жет оказаться аналогия исследования конвергентных явлений, близких к современности, ср. словакизация западных словацких говоров, сербокроатизация кайкавских (бывших словенских) диалектов. Ничто нам не мешает принять теоретически вероятность аналогичных явлений в истории праславянского языка, иными словами: конвергенция не в меньшей степени, чем дивергенция. Отсюда затем следовала бы допустимость объяснения части праславянских диалектных черт как возможных остатков, переживших конвергенцию. Далее, нетрудно заметить, что материал для обоснования праславянской диалектной дифференциации избирается авторами целиком из области фонетики и морфологии, большей частью — фонетики; ни словообразование, ни тем более словарь не фигурируют в числе аргументов, о чем нельзя не пожалеть. Мы считаем это положение ненормальным, оправдываемым только недостаточной разработанностью словообразовательно-лексических критериев изучения праславянского языка. Отметим, что Лер-Сплавинский в книге о происхождении и прародине славян придает большое значение лексическим германско-славянским, славянско-арийским и др. подобным параллелям. Однако он при этом как будто исходит из молчаливого постулата отсутствия древней лексической дифференцированности внутри славянского.

Сказанное не следует понимать как огульную критику привлекаемого авторами материала и его обычной интерпретации. Скорее всего, эта интерпретация фонетических и морфологических расхождений наиболее удачна. Но аргументация праславянского диалектного членения в этом виде не может быть признана полной. Кроме того, она не исключает явлений иного рода, обычно игнорируемых, которые говорят об иных возможностях объяснения. Правильно ли при суждениях о древнем диалектном членении вообще исключать такие разделы как словообразование и лексика в пользу показаний исключительно фонетико-морфологических, когда известно, что именно последние склонны к системной регуляризации и коренной перестройке, быть может в максимальной степени? — Ср. опыт В. М. Иллич-Свитыча, представленный им впервые в прениях на IV Международном съезде славистов (подробнее — ниже). Тот факт, что большинство фонетико-морфологических черт покры-

вается современной классификацией славянских языков, совпадая с границами отдельных групп, с языковыми и диалектными пространствами, — факт, обычно с удовлетворением отмечаемый исследователями, — вправе возбудить наше подозрение как возможный результат вторичного выравнивания и распространения. Наше внимание должны бы, кажется, сейчас в большей степени привлечь те стороны языка, где отношения внутри славянского не укладываются в трехчленную группировку, насчитывают длинный ряд всякого рода исключений, «аномалий» с точки зрения господствующей стройной схемы, а именно — словообразование и лексика славянских языков. Не следует предрешать успеха и вообще результатов этой новой аргументации, но ясно одно, что исследования по праславянской фонетико-морфологической дифференциации в той своей части, где они решают вопрос праславянского диалектного членения в целом, в известном смысле исчерпали себя. Исследование праславянского диалектного членения нуждается в расширении своей базы материалами лексики и словообразования. В этом плане также необходимо воспользоваться опытом индоевропейской диалектологии.

Не оставляя аспекта праславянского диалектного членения, мы, таким образом, подходим к важной для нас проблеме состава праславянского словаря. Более систематически мы рассчитываем заняться этой проблемой в специальной работе на данную тему. Здесь же представляется возможным опять-таки только ограничиться постановкой вопроса в общей форме. Состав праславянского словаря целесообразно понимать не в плане образующих его семантических групп, а в плане структуры, подразумевая под этим такие вопросы, как соотношение общих праславянских и диалектных праславянских элементов словаря, характеристику прежде всего частных, диалектных элементов, в связи с этим — распределение исключительных изоглосс внутри славянского и (сепаратных, региональных) славянско-неславянских с преимущественным вниманием к моментам, которые до сих пор не получили достаточного освещения. Разумеется, предварительные рассмотрения проблемы состава праславянского словаря останутся еще некоторое время в стадии постановки вопроса, опирающейся на отдельные фрагментарные пробы, до той поры, пока не будет

завершена реконструкция праславянского словника ЭС. Реконструированный и проэтимологизированный праславянский лексический фонд даст впервые возможность аргументированного решения проблемы состава праславянского словаря во всей полноте, с точностью, на какую мы сейчас еще не можем рассчитывать. Вопрос процентного взаимоотношения общих слов и старых лексических диалектизмов в праславянском лексическом фонде также обретет свою реальность. Общая картина праславянского словаря окажется, несомненно, гораздо более сложной и вместе с тем несравненно более реалистичной, чем существующие представления о ней. На этом широком фоне найдут своё место и этимологически неанализируемые слова типа «первичных вокабул» с чертами древней аномалии форм и узкодиалектные старые словообразовательные модели вроде праслав. диал. *vez-telь (см.) — на основе только ст.-слав. вестеле мн. с близким параллелизмом в лат. *vector*. Вполне логично, таким образом, решать проблему состава праславянского словаря с широким допущением словообразовательного аспекта. Ср. поучительность во всех отношениях исключительных внутриславянских словообразовательно-лексических изоглосс **тьпьсь* (см.), **malotja* (см.) и под., охватывающих украинско-белорусскую группу восточнославянских языков и западную группу южнославянских. Важнейшее значение имеет изучение изоглосс и изолекс того же характера, объединяющих древние диалектизмы славянского с соответствиями и параллелизмами в других индоевропейских языках, ср. выдвинутый нами в несколько иной связи тезис о древнем характере лексической дифференциации в статье 1957 года о принципах построения этимологических словарей, уже цитировавшейся выше. К числу ценнейших наблюдений в этой области следует отнести, например, прослеженный Илличем-Свитычем пучок, связывающий почти исключительно болгарскую лексику с балтийской (литовской)[18]. Соответствующий болгарский лексический материал в реконструированной форме войдет в праславянский словник ЭС на правах возможных ранних диалектных заимствований.

---

[18] См. их перечень в книге: С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 73—74.

Работая над проблемой состава праславянского словаря на различном материале, мы приходим к выводу об автономности праславянских состояний лексики славянских диалектов[19].

V. ЭТИМОЛОГИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ. ИХ МЕСТО В ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Выше уже говорилось о переориентации этимологии в сторону всемерного и первоочередного учета словообразовательной модели, суффиксального оформления слова; корень изучается и этимологизируется как одна из морфем, образующих слово, и отнюдь не всегда он представляет главный интерес с точки зрения этимологии данного слова. Мы наблюдаем интимное взаимопроникновение этимологии и словообразования и их постепенную неизбежную перестройку на новых началах.

Не следует думать, что переход от корневой этимологии к этимологии слова давно благополучно завершился. Напротив, современная этимология продолжает обогащаться отнюдь не одним только новым материалом, но и новыми важными аспектами. Это: 1) селективная характеристика сочетания морфем в слове, 2) систематические разыскания в области цельнолексемных соответствий и параллелей. Если не полностью, то в значительной своей части оба эти аспекта покрывают друг друга, образуя как бы внутреннюю и внешнюю сторону одного и того же явления.

Поясним, что под селективной характеристикой сочетания морфем мы понимаем своего рода «избирательное родство». Этимологические перспективы селективной характеристики заключаются в том, что, опираясь на идентификацию одной из двух морфем слов в разных языках и на факт последовательного сочетания ее с другой морфемой, мы ставим вопрос об идентификации этого другого члена в обоих языках, а одновременно и о наличии параллелизма между данными двумя целыми лексемами. В предлагаемом ниже пробном выпуске собран

[19] О. Н. Трубачев. О праславянских лексических диалектизмах серболужицкого. — «Серболужицкий лингвистический сборник» (печатается).

некоторый конкретный материал, представляющий, возможно, интерес для изучения небольшого участка славянско-германских языковых отношений в плане словообразования и этимологии. Это цельнолексемные сближения праслав. диал. **sǫ-cělьnъjь* — гот. *ga-hails*, праслав. **sъ-borъ* — гот. *ga-baúr*, праслав. **sъ-ličьnъjь*, **sъ-lika* — гот. *ga-leika*, *ga-leiks*. Опираясь на этимологическое тождество вторых компонентов сложений в славянском и германском, на семантическую близость соответствующих славянских и германских лексем в целом и на селективную характеристику их словообразовательных моделей (преимущественная сочетаемость морфем в слове), мы ставим вопрос о морфемном тождестве и лексическом параллелизме славянских и германских слов. Окончательное решение его упирается в трактовку отношений праслав. **sъ-*/**sǫ-* и герм. *ga-*, которые, очевидно, могут быть исторически идентифицированы, вопреки обычной точке зрения, опирающейся на изолирующие сопоставления звуков и форм. Ср. далее такой внешний аргумент, как известное несомненное словообразовательно-морфемное тождество лат. *com-mūnis* и нем. *ge-mein* 'общий', а также, в свою очередь, несомненность связи лат. *com-* и слав. *sъ-*/*sǫ-*, откуда один шаг до признания родства слав. *sъ*/*sǫ-* и герм. *ga-*, ср. наряду с лат. *com-mūnis* и герм. **ga-maina-* — сербск.-цслав. **съ-мѣникъ** 'socius in negotiis' (Miklosich Lex. 937: «vocabulum dubium»).

Мы лишь в самой общей форме назвали актуальные проблемы современной этимологии. Примеры могли бы быть умножены, но это грозило увеличением объема работы, поэтому ограничимся отдельными наметками. Отсюда еще не следует, что возможности корневой этимологии исчерпаны и что абсолютно всякая старая корневая этимология неверна. Оснований для подобного утверждения нет никаких, тем более, если мы учтем сложный характер лексико-словообразовательных отношений в масштабах всего индоевропейского, наличие более близких и весьма отдаленных связей между его частями. Мы должны со всем вниманием по-прежнему относиться к неиспользованным еще резервам корневых этимологий, вести учет частичных соответствий и параллелей. В соответствии со сказанным место этимологии в ЭС нужно понимать как отражение вообще всех известных достижений этимологии данного слова. Что

касается направленности этимологии в ЭС, то она следует из нашего понимания актуальных проблем современной этимологии, изложенного выше в этом разделе проспекта. Пафосом этимологии ЭС являются цельнолексемные соответствия и параллели. Мы хотели бы подчеркнуть особенно большое значение последних, поскольку лишь о некоторой части образований мы можем с уверенностью судить как о восходящих к единой общей праформе, о подавляющем же большинстве цельнолексемных сближений методологически целесообразнее говорить как о параллелях, предполагая возможность их независимого развития. Этот подход гарантирует от излишних фикций. С другой стороны, само выявление факта наличия параллели всегда интересно и поучительно. В известном смысле это общее наблюдение имеет отношение к той внешней особенности нашего ЭС, что этимология представлена всюду, причем, как в статьях с непроизводной основой (преимущественно наблюдения по корневой этимологии), так и в статьях о дериватах (*тьпьсь и др., см. Пробный выпуск), о сложениях (см. пробные статьи **jьzryti*, **jьzrygati*, **nabl'udati*), о групповых лексемах (**si nokt'i*, **jьnъ* и др.); во всех таких статьях этимология представлена почти исключительно на уровне цельнолексемных соответствий и словообразовательно-лексических параллелей. За остальными сведениями по корневой этимологии, по этимологической характеристике основы читатель отсылается к соответствующим статьям о непроизводных основах. Обычные критерии включения слова в этимологический словарь и его этимологизации только в том случае, если оно признаётся «неясным», «непрозрачным», и наоборот — невключения слов как «прозрачных» и «ясных» — должны быть коренным образом пересмотрены. Во всяком случае мы отказались следовать этим критериям в практике работы над нашим ЭС с его реконструированным словником.

VI. СЛОВНИК ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Осветив кратко в предыдущих разделах проблему словника ЭС и его этимологизации главным образом в теоретическом плане, остановимся здесь на практической

стороне работы с этим материалом, т. е. прежде всего — на таких вопросах как методика реконструкции, отбор праславянского словника для ЭС. Для этого целесообразно, возможно, провести сравнение между методикой работы составителей ПС и ЭС, поскольку, как мы это отмечали и выше, в смысле рамок словника и его подачи из всех словарей нам наиболее близок краковский ПС. Основой работы над ПС служит априористический в известном смысле словник («праславянский индекс»), полученный в результате расписания основных славянских этимологических словарей и включения разнообразных дериватов, в том числе — «возможных», но еще нуждающихся в проверке. Каждое слово праславянского индекса проверяется составителями по словарям отдельных славянских языков и, выдержав эту проверку, становится заглавным словом статьи ПС.

Методика работы над словником нашего будущего ЭС диаметрально противоположна изложенной: у нас прежде проводится работа по реконструкции праславянского состояния словарного состава каждого славянского языка в отдельности, и только на заключительном этапе мы приходим к сводному праславянскому индексу, или словнику будущего ЭС, если придерживаться более обычной у нас терминологии. Составители ПС начинают с отбора того, что, по их мнению, может считаться праславянским словником, и лишь после этого подбирают к полученному индексу соответствия из отдельных славянских языков. Думается, что разница здесь не только внешняя, выражающаяся в порядке следования этапов, но и в известном смысле — принципиальная, особенно если понимать работу по отбору словника как реконструкцию. Мы представляем себе реконструкцию древнего состояния как изучение словарного состава начиная с его современного состояния, с общенародных форм, с переходом затем к материалам локальным (диалектным) и старым (историческим), как процедуру, включающую удаление фактов массовой, поздней продуктивности, исключение форм первоначально парадигматического характера вроде обнареченных образований, причастий и т. д.

Столь же кратко, как и методику отбора (праславянского) словника ЭС, очертим состав этого словника. С точки зрения внешней характеристики, заглавный словник ЭС будут составлять почти исключительно апел-

лативы, в своей подавляющей части — исконнославянские слова, из заимствованных — древнейшие; из ономастики попадают этнонимы **slověninъ*, **polaninъ*, **sьrbъ*, **dudlěbъ*, **xъrvatъ*, **němьсь* и под., удовлетворяющие хронологической проверке. Проблематичнее обстоит дело с собственно ономастическими образованиями — топонимами, антропонимами. Эти элементы будут по возможности широко использованы как вспомогательный источник сведений, существенно восполняющий апеллативы[20], например в этимологической части статьи.

Важнейшие из праславянских топонимов, антропонимов, имен божеств будут включаться на правах заглавных слов. С точки зрения структурной характеристики, словник ЭС состоит из лексем, живых слов (если уместно так выразиться, имея в виду реконструкцию словаря мертвого языка), представленных максимально расчлененно в словообразовательном плане. Но раньше, чем остановиться на этом пункте, образующем главную, постоянную проблему подачи словника ЭС, коснемся вопроса разновидностей заглавных лексем. Речь идет о групповой лексеме и ее опытном включении в ткань праславянского словника ЭС. Групповая лексема — понятие новое отнюдь не только для этимологических словарей; надо сказать, что понятие групповой лексемы не вышло из стадии обсуждения в теории лексикографии в целом. В последнее время этой проблеме посвящена, например, работа X. Виссемана[21], трактующая об отношениях групповой лексемы (Wortgruppenlexem) и обычной, одинарной лексемы (Einwortlexem), однако эти отношения автор рассматривает исключительно на материале разных языков, ср. переводные двуязычные пары вроде франц. *dérouiller* = нем. *vom Rost reinigen*. Нам кажется принципиально важным перенести эту проблему в план одного языка, использовав понятие групповой лексемы в практике реконструкции, например в нашем случае — праязыкового состояния словника. Виссеман не ставит прямо интересующих нас вопросов, но очень близко подходит к ним: «Франц. *aujourd'hui*, хотя оно и „пишется как одно слово“, конечно, является групповой

---

[20] Ср.: F. Bezlaj. Význam onomastiky pro studium praslovanského slovníku. — «Slavia», roč. XXVII, 1958, стр. 353.

[21] H. Wissemann. Das Wortgruppenlexem und seine lexikographische Erfassung. — IF. Bd. LXVI, Heft 3, 1961, стр. 225.

лексемой... На названиях для понятия „сегодня“ мы можем наблюдать и противоположную тенденцию спайки групповой лексемы в одинарную лексему. Напомню нем. *heute* < **hiu tagu* или чеш. *dnes*, болг. *днес*, сербохорв. *данас*, ст.-слав. дьньсь < **dьnь sь*. Таким образом, наша констатация, что одинарная лексема и групповая лексема эквивалентны в отношении своей коммуникационной значимости, находит подтверждение также в том, что оба вида лексем могут попеременно употребляться при одном и том же thing meant» (стр. 236). Автор указывает, что некоторые лексемы находятся в стадии перехода от групповой лексемы к лексеме-слову; в целом он придерживается мнения, что было бы ошибочно считать лексемами только отдельные слова.

Не вдаваясь глубже в теоретическую сущность поставленной выше проблемы, мы ограничимся здесь некоторыми практическими выводами, имеющими значение для методики реконструкции праславянского словника ЭС. Так, представляется необходимым включение на равных правах в качестве заглавных слов статей нового ЭС ряда старых устойчивых словосочетаний, каковы, например, в нашем пробном выпуске **si nokt'i*, **jь nъ* и др. (см. ниже). В этом смысле противоречие заключалось уже и в старых этимологических словарях, где широко представлены только возвратные формы глаголов, по сути дела — сочетания глагола с местоимением в форме вин. (или дат.) ед. *sę*, (*si*). Под этим углом зрения нужно более последовательно пересмотреть весь материал. Реконструкция древнего состояния целого ряда слов-лексем неизбежно приведет нас к праязыковой групповой лексеме. Это можно иметь в виду при включении сложения приставок с глагольными основами (ср. возражения о меньшем количестве таких сложений-слов в праславянском ввиду большей самостоятельности наречий-приставок).

Мы можем теперь коснуться степени словообразовательной расчлененности словника ЭС и основных признаков заглавного слова статьи. Основным признаком заглавного слова статьи ЭС служит вероятное наличие лексической самостоятельности в праславянский период. При реконструкции праславянского словника, по-видимому, должны сниматься как вторичные образования все случаи местной, поздней лексикализации граммати-

ских форм, т. е. являющиеся не более как формами словоизменения в вероятных хронологических рамках праславянского состояния. В качестве примера можно указать на слова со значением «только», которые все без исключения оказываются новообразованиями эпохи обособленного развития отдельных славянских языков или их групп: русск. *только* < праслав. **toliko*, им.-вин. ед. ср. р. 'такое, таковое' (количественно), укр. *тільки*, блр. *толькі* < праслав. **toliky*, тв. мн. 'таковыми, столькими'; польск. *jen*(*o*) 'только', чеш. *jeno* 'только' < праслав. * *jedino*, им.-вин. ср. р. 'одно, единственно(е)'. Для праславянского состояния можно реально говорить как о самостоятельных лексических единицах только о **tolikъ*, *-a*, *-o* 'таковой, столький' и *(*j*)*edinъ*, *-a*, *-o* 'один, единственный'. Точно так же, например, обнаруживают на уровне реконструируемого праславянского признаки форм словоизменения, а не самостоятельных лексических единиц наречия вроде русск. *домой*, блр. *дамóў* то же < праслав. **domovi*, дат. ед. от **domъ*. Если в форме словоизменения представлено слово, иначе не засвидетельствованное, то эта форма словоизменения включается как таковая в частные праславянские словники (см. о них ниже, раздел VII), а на ее основе строится при возможности реконструкция соответствующего праславянского слова — заглавного слова статьи ЭС. Самостоятельно включаются морфологические реликты праславянского, напр. **doma* (< u.-e. **domōt*/*d*, отлож. ед.).

Таким образом, частый случай в нашей практике отбора словника ЭС: слово-статья словаря современного славянского языка оказывается на уровне реконструкции праславянского лексического состава формой словоизменения и не включается как самостоятельная слово-статья. Как одно из исключений из этой обычной практики назовем современное русск. *господа*, не включаемое в современные словари на правах самостоятельной статьи (— мн. ч. от *господин!*), которое, однако, на уровне праславянского выступает как самостоятельное слово **gospoda*.

В сфере глагольных образований отсев при реконструкции праславянского словника ЭС будет совершаться в соответствии с замечаниями в разделе IV проспекта в основном за счет форм несовершенного вида (например разнообразные суффиксальные производные), по-

скольку главным продуктивным способом формообразования, источником инноваций служила в славянских языках имперфективация. По-видимому, в результате снятия поздних образований значительная часть глаголов, составляющих праславянский словник, будет представлена формами совершенного вида (хотя, естественно, видовой характер этих последних будет отличным от тождественных современных форм).

Глагольные сложения с приставками представляют немало трудностей при решении вопроса об отнесении их к праславянскому словнику. Из сложений с приставкой *do-* наиболее уверенно включаются, как правило, глаголы движения, обычно — совершенного и несовершенного вида (например **dojьti* — **doxoditi*/**doxadjati*), принимая во внимание вероятную лексическую древность и конкретность употребления в таких образованиях (**donositi*, **donesti*, **dovezti*, **dopъlzti* и т. д.), далее — все случаи лексикализации сложения с приставкой *do-*, для которых у нас нет достаточных оснований предполагать позднее происхождение (например **dobьrati sę*). Не включаются случаи более свободного, окказионального употребления и с ограниченным грамматически значением сложения с *do-*.

Значительные трудности встречаются при отборе для праславянского словника ЭС образований с приставкой иного рода, например *po-*, которая уже в старославянском выступает как «préverbe vide», грамматический элемент. В этом смысле представляет интерес работа В. Терраса, который предпринимает реконструкцию праславянского положения вещей[22]. Ряд наблюдений этого автора безусловно окажется полезным для нас в отборе словника, ср. его мысль о более позднем употреблении *pod-*, которое переняло часть старых функций *po-*, указание на своего рода чередование *po-*/*pod-* (**подътвьрдити** — **потвьрдити**). В заключение Террас предполагает, что видовая функция *po-* — очень поздняя в свете славянских и балтийских фактов (ср. ниже нашу пробную статью **poznati*), более древний характер носит результативная функция (**поболѣти, повѣдати, погрѣшити, подвигнѫти, позлатити, позьрѣти, покрыти, поноудити, поржѵити, потешти** и т. д.).

---

[22] V. Terras. Präposition und Verbalpräfix *po* im Slavischen, — ZfslPh, Bd. XXIX, 1961, стр. 302.

VII. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТОЯНИЯ РАБОТ НАД ЭТИМОЛОГИЧЕСКИМ СЛОВАРЕМ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Круг источников

Составление праславянского словника ЭС не предусматривает специальную эксцерпцию текстов, но целиком опирается на известную печатную лексикографическую продукцию по славянским языкам, лишь изредка пополняя эти словарные материалы важными сведениями из отдельных текстов (ср. ниже как пример пробную статью **ědmę*); в известной мере эпизодично и обращение к рукописным картотекам (например к картотеке Древнерусского и Старорусского словарей в Институте русского языка АН СССР). Ограничение материалом главным образом опубликованных словарей имеет смысл как наиболее реалистический подход к решению проблемы создания нового ЭС, более принципиальное обоснование читатель найдет в разделе III настоящего проспекта. Источники словника ЭС — это толковые, двуязычные, диалектные, исторические словари и списки слов в различных изданиях.

Источниками отбора праславянского словника ЭС не являются этимологические словари, которые используются при составлении ЭС единственно как вспомогательные средства проверки.

2. Картотеки Этимологического словаря славянских языков

Имеются два основных вида картотек ЭС: картотеки словника и этимологическая картотека.

Первая стадия работы над картотеками словника — это создание частных картотек на тему «Праславянский словник для данного языка». Число таких частных картотек определяется в основном числом всех исторически известных и ныне живых славянских языков (мы понимаем условность и внешний характер этого критерия, однако сочли практически удобным не заводить более дробных картотек). Следовательно, мы получаем картотеки для следующих языков: старославянского, болгарского, македонского, сербохорватского, словенского, чеш-

ского, словацкого, верхнелужицкого, нижнелужицкого, полабского, польского, кашубского (словинского), русского, украинского, белорусского.

Каждая из этих 15 частных картотек будет содержать в среднем не более пяти-шести тысяч слов, насколько мы уже можем судить об этом сейчас по нашим наиболее продвинутым картотекам. Пять-шесть тысяч слов, отбираемых как предполагаемые праславянские образования, — таково среднее цифровое выражение изложенных выше принципов отбора и реконструкции праславянского словника.

Карточка содержит слово, его значения, элементарную документацию и гипотетическую праславянскую реконструкцию в фономорфологической транскрипции под звездочкой.

Вторая стадия работы над картотеками словника заключается в объединении готовых частных картотек в одну единую картотеку праславянского словника будущего ЭС. В качестве заглавных теперь избираются не засвидетельствованные формы слов отдельных славянских языков, а реконструированные праславянские формы, под которыми помещаются материалы всех славянских языков. Порядком расположения всего праславянского материала служит видоизменённый вариант латинского алфавита: A B C Ċ Č D E Ě Ę G X I J K L M N O Ǫ P R S Š ŠČ T U V Ъ Y Ь Z Ž.

Исходя из того очевидного факта, что праславянские словники различных славянских языков не покрывают друг друга полностью (ср. специально об этом выше, IV раздел) и что в результате слияния названных пятнадцати частных картотек мы получим поправку, наверное, не меньше, чем в 1000 слов (за счёт праславянских лексико-словообразовательных диалектизмов), количество слов-статей ЭС (заглавных слов праславянского словника) сейчас можно исчислять приблизительно в 7000.

Этимологическая картотека ЭС имеет цель объединить по возможности все этимологические интерпретации, сравнения и сближения слов всех славянских языков более или менее в рамках праславянского лексического фонда (этимологии поздних заимствований не учитываются), но с заглавными славянскими словами в той

форме, в какой они даются источником, без излишних унификаций и реконструкций со стороны составителей картотеки (не считая некоторой допустимой модернизации записи при случаях устаревшей орфографии, например в литовских, латышских и др. под. примерах). Этимологическая картотека ЭС учитывает всю доступную печатную продукцию (журналы, сборники, монографии, словари); личное творчество составителей этимологической картотеки при заполнении карточки должно быть минимальным, если не считать отдельных наводящих указаний, оговоренных единым символом [. . .]. Такие указания имеют смысл, например, как приурочение отдельных очевидных этимологических соответствий к определенной (пра)славянской форме, не названной автором резюмируемого труда по внешним или случайным причинам. Разумеется, печатная или готовая к печати продукция составителей ЭС в обязательном порядке должна отражаться в этимологической картотеке ЭС, как и любая другая литература по этимологии. Сырую, неоформленную продукцию, предварительные идеи по этимологии не имеет смысла отражать в этимологической картотеке ЭС. Форма заполнения карточек: заглавное слово, краткое изложение этимологии или близкой характеристики, автор, название работы, все выходные данные. Порядок расположения материала в этимологической картотеке ЭС тот же, что и в картотеке словника (см. выше), с подчинением знаков кириллицы применяемому здесь видоизмененному варианту латинского алфавита.

Будущий ЭС возникнет в результате работы над картотекой словника и этимологической картотекой, описанными выше в настоящем разделе, хотя совершенно очевидно, что написание статьи ЭС не будет сводиться и тогда к механическому объединению материалов обеих картотек, но сплошь и рядом будет требовать и дополнительных проверок и новых форм работ, включая составление схематических карт простейшего вида (некоторые опыты такого рода предприняты ниже, в Пробном выпуске).

VIII. СТРУКТУРА ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Расположение статей

Статьи ЭС располагаются в алфавитном порядке, близком к вышеупомянутому.

2. Объем ЭС

Как уже говорилось выше, количество словарных статей будущего ЭС составит приблизительно 7000. Вероятный объем основного словарного текста ЭС, по предварительным расчетам, охватит, по-видимому, не менее 200 авторских листов. Этот текст имеет смысл условно разделить на два крупных тома большого формата. Таким образом, содержание этих первых двух томов представляется сейчас следующим: том I—II — предисловие, содержание всех томов, список литературы (словари, периодика, монографии) с указанием принятых условных сокращений, список сокращенных названий языков и диалектов, служебных помет в тексте словаря, затем — словарь от A до Ž. Том III займут алфавитные индексы слов всех славянских языков в современной графике, облегчающие нахождение слов внутри словарных статей I—II томов на заглавное праславянское слово (при каждом слове индекса дается отсылка к соответствующему тому и странице); кроме того, в III томе будет помещен обратный индекс праславянского словника, призванный, по нашему мнению, способствовать дальнейшему изучению праславянского словообразования.

Практически же, видимо, будет удобнее осуществить первое издание ЭС выпусками по 20 авторских листов большого формата с интервалами в среднем в один год. В таком случае весь основной текст ЭС запроектированного объема займет 10 выпусков. Первый выпуск ЭС предполагаем подготовить к печати в конце 1965 года.

3. Структура словарной статьи ЭС

Словарная статья ЭС открывается заглавным словом в реконструированной праславянской форме под звездочкой. Ни ударение, ни значение праславянского за-

главного слова не проставляются. Ниже, с абзаца дается полное обозрение всех относящихся сюда слов по славянским языкам с точным указанием их ударений и значений, а также — в случае необходимости — документации этих слов. Затем, с нового абзаца дается общая предварительная характеристика данного праславянского слова, реконструированного на основе сведений по славянским языкам и диалектам, производится оценка его географического ареала. После этого следует словообразовательно-этимологический анализ — собственно этимологическая часть словарной статьи ЭС. Ее структура, содержание и степень развернутости аргументации определяются характером данного слова и задачами его этимологии. Дается полная литература по этимологии, словообразованию, сравнительно-исторической характеристике слова.

4. Иллюстративный материал

Здесь имеется в виду такая новая деталь в словарях подобного типа, как карты. Это будут очень облегченные, простые по исполнению небольшие схематические карты ареалов слов, помещаемые в тексте при некоторых статьях, содержащих наиболее интересные случаи. Фон карты — элементарные географические контуры части территории Центральной и Восточной Европы, охватывающей районы первоначального обитания и последующего расселения славян. По внешнему виду эти карты напоминают, например, лексические карты подготавливаемого Общеславянского лингвистического атласа. В отдельных случаях эти карты помогают решить проблему генезиса слова и формы, ставящуюся в словарной статье ЭС. Ниже, в Пробном выпуске помещено и несколько таких пробных карт.

5. Условные сокращения

Условные сокращения, которые будут применены в ЭС, проводятся главным образом с учетом общепринятых в литературе традиций. Список этих сокращений (и литературы) будет дан в начале ЭС. Сейчас не представилось целесообразным перегружать таким перечнем проспект, что же касается сокращений, примененных

здесь, главным образом — в Пробном выпуске, то они в большинстве своем достаточно элементарны (имеют общепринятый характер) или прозрачны. Во многом существенном они совпадают с сокращениями в переводе «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, т. I и в издании «Этимология», выпуск I, которые в сомнительных случаях могут привлекаться для консультации.

IX. ПРОБНЫЙ ВЫПУСК (A—Ž)

Пробный выпуск ЭС, прилагаемый к Проспекту, состоит приблизительно из ста словарных статей, подготовленных в соответствии с основными принципами, изложенными выше. Эти статьи целесообразно воспринимать именно как пробы, учитывая, что словарные статьи будущего ЭС, опирающиеся на весь собранный словник и всю литературу, будут, естественно, разработаны более детально.

Проводимая здесь праславянская фономорфологическая транскрипция не требует никаких дополнительных разъяснений (в силу понятных преимуществ мы употребляем символ *x*, а не *ch*; *ъ*, *ь*, а не *й*, *ĭ*).

Список схематических карт к словарным статьям:

1. Ареал *jьz nenady, *jьznenadьnъjь, *jьznenadьskъjь
2. Ареал *malot̯ja, *golotja, *pust̯otja
3. Тип *neu̯enek̂m̥ta, *neu̯n̥(t) dek̂m̥tōm
4. Ареал *тьпьсь
5. Ареал *ob(ъ)dьlgъjь и производных
6. Ареал *vьrxolъ
7. 'опоясывать'
8. 'губа'

ПРОБНЫЙ ВЫПУСК

***bagatьje**: русск. диал. *багáтье* ср., *багáть* ж. 'огонь; более употр. об огне, еще не вырубленном или тлеющемся под теплом' (Даль[2] I, 35), укр. *багáття* ср. 'огонь; горящие угли; костер' (Гринч. I, 17), блр. *багáцце* то же.

Слово **bagatьje*, неизвестное другим слав. языкам, обнаруживает признаки праслав. лексического диалектизма. Помимо предположения о связи с *бажáть*, *бажúть* 'желать' (Vasmer I, 36) обычно допускают родство с греч. φώγω 'поджариваю', др.-в.-нем. *bahhan* 'печь' (см. Berneker I, 38, Vasmer, там же, с упоминанием более старой литературы).

***bebrěnъ(jь)**: др.-русск. *бебрянъ* 'бобровый' (Срезн. I, 47). Эта любопытная форма прилагательного от *бебръ/ /бобръ* известна только др.-русск. языку, причем Срезн. знает ее только из текста Слова о полку Игореве. Ср., впрочем, еще Иос. Флав. VII, 5,4: в ризахъ бъбрянахъ ἐν ἐσθήσεσιν σηρικαῖς (Мещерский УЗ ЛГПИ, 198, 1956, 5—6). Другие слав. языки не знают такой формы, употребляя обычно прилагательные, восходящие к праслав. **bobrovъjь* (см.) от **bobrъ* (см.).

Сомнения в реальности единичного др.-русск. *бебрянъ*, однако, уменьшаются ввиду наличия у этого последнего соответствий за пределами славянского. Так, праслав. диал. **bebr'anъjь *bebrěnъjь* вполне покрывается такими и.-е. формами как авест. *bawraini-*, лат. *fibrīnus* 'бобровый', вольск. *Fibrēnus*, гидроним, галльск. *bebrinus*, лит. *bebrinis*, др.-в.-нем. *bibirīn* 'бобровый' (Fick[3] I, 157,

Pokorny I, 136—137) — все с суффиксальным *-n-*. На древность соединения **bebrъ* с n-овым суффиксом может указывать наличие аналогичных производных от нередуплицированного и.-е. **bher-*, напр. греч. φρΰνη 'жаба, лягушка' и др.

Berneker I, 47 и Vasmer I, 67 только упоминают др.-русск. *бебрянъ*, оставляя его без объяснения. Иначе толкует др.-русск. слово Мещерский (там же и Труды Отд. др.-русск. лит. XIV, 1958, 43—44).

***běditi**: ст.-слав. **бѣдити** 'принуждать' (Клоц., Sadnik—Aitzetmüller 10), болг. *бедя́* 'взвожу напраслину, обвиняю' (Речн. на съврем, бълг. книж. ез. I, 39), макед. *беди* 'бедити, опадати, клеветати' (Речн. на мак. j. I, 25), сербохорв. *биjѐдити* 'cogere, affligere, calumniari, urgere' (с XIII в., Rječn. I, 291), др.-русск. *бѣдити* 'убеждать' (Срезн. I, 214—215), ст.-укр. *бѣдити* 'робити біду кому, кривдити, утискати: переконувати' (Тимч. I, 169); в других слав. языках представлено в виде сложений с префиксами, ср. русск. *победить*, др.-чеш. *poběditi* 'победить, одолеть'.

Праслав. **běditi*, **bědję* (1 л. ед.) точно соответствует по форме и значению гот. *baidjan* 'ἀναγκάζειν' и другим родственным герм. формам, представляющим побудительную глаг. форму с суффиксом *-j-* (см. Feist[3] 74, далее — Berneker I, 54, Vasmer I, 68, где дальнейшая литература, Machek 31).

Формы вроде др.-польск. *biedzić* 'pasować się, luctari' (с XV в., Słown. stpol. I, 86) представляются новообразованиями на базе имени *běda*, которое в свою очередь может быть истолковано как отглагольное на базе вышеупомянутого праслав. **běditi* (Machek там же). То же можно сказать об укр. *біди́ти* 'бедствовать' (Гринч. I, 62), русск. *беди́ть* (Даль[2] I, 152).

***bodylь, *badylь**: болг. *боди́л* м. 'растение с острыми игловидными шипами' (Речн. на съврем. бълг. книж. ез. I, 73), сербохорв. (редко) *бадиљ* м. 'Cirsium arvense L.' (Rječn. I, 146—147), польск. *badyl*, *badel* 'ствол, стебель растения' (Słown. stpol. не приводит примеров), русск. диал. *боды́ль*, *буды́ль* 'пенек, кол, тычок, ствол крупного травянистого растения' (Даль[2] I, 136), укр. *бади́лля* ср. собир. 'стебли, былинки, ботва' (Гринч. I, 19), блр. *бады́ль* (Байкоў — Некраш. 40).

Праслав. **bodylь* представляет собой старое отглагольное производное, ср. **bodǫ*, **bosti* (см.), с суффиксом -*ylь*, рано утратившим свою продуктивность, ср. **kovylь*, **motylь* (см.). Не исключено вторичное происхождение вокализма -*a*- варианта **badylь* (под влиянием итератива праслав. **badati* [см.] ?). (Ср., далее, Vasmer I, 136, Sławski I, 25)

***bodьcь:** болг. *бóдец* 'остро нещо, с което бодат, като шило' (Геров I, 56—57), сербохорв. *бȍдац* 'punctus, pungens, stimulus' (с XVI в., Rječn. I, 468), словен. *bôdec* 'острие, колючка, игла (хвои), ость; укол' (Pleteršn. I, 38), чеш. *bodec* 'острие, жало, колючка, шип' (Jungm. I, 149), др.-чеш. *bodec* 'některý kus nářadí, při voze nebo-li ústroji koňském' (Geb. I, 73), слвц. *bodec* 'острие, обычно окованное' (Slovn. slov. j. I, 110), польск. *bodziec* 'острие, колючка, шип (терновый)' (Warsz. I, 181, Linde I, 135), *bodźiéc* 'oścień, stimulus' (Cnapius I, 39), русск.-цслав. *бодьць* 'stimulus' (у Берынды, см. Miklosich Lex. 39), русск. *бодéц* 'орудие для бодания, петушья шпора, колючка терновника, сливы и др., вросшая, как сучок, а не сидящая только на коре (шип), жало насекомого. . . Мужик бодец, мастер управляться рогатиною на медведя' (Даль[2] I, 106).

Праслав. **bodьcь*, распространенное, по-видимому, довольно широко на слав. территории с давних пор, представляет собой древнее образование. Связано с праслав. **bosti*, **bodǫ* (см.), менее ясны отношения с **bodъ* м. (может быть, последнее представляет собой обратное отыменное производное?). Праслав. **bodьcь* имеет собственное полное соответствие в лит. *badìkas* 'тот, кто бодается' (Dab. liet. kalbos žod. 59), на что ранее не обращали специального внимания. Уменьш. функция у данного образования на -*ьcь* в отдельных слав. языках могла появиться вторично.

***bojaznь:** ст.-слав. боꙗзнь 'φόβος' (Син. Пс., Sadnik—Aitzetmüller 12, Супр., Miklosich Lex. 41), болг. *боя́зън* (книж., Речн. на съврем. бълг. книж. ез. I, 79), макед. *боjазан* (Речн. на мак. j. I, 41), сербохорв. *бȍjâзанƒ*. 'timor' (с XIII в., Rječn. I. 514), словен. *bojâzen* 'страх, боязнь' (Pleteršn. I, 42), чеш. *bázeň* то же (Jungm. I, 80), др.-чеш. *bázn*, *bázň*, *bázeń* (Geb. I, 30), слвц. *bázeň* (Slovn. slov. j. I, 76), н.-луж. *bójazń* (Muka Sł. I, 60), польск. *bojaźń* (Warsz. I, 186, Linde I, 142, Cnapius I, 41), др.-

польск. *bojaźń* (Słown. stpol. I, 124), др.-русск. (ц. слав?) *боязнь* (Срезн. I, 159), русск. *боязнь*, ст.-укр. *боязнь* (книж., церк.?) (см. примеры у Тимч. I, 130), блр. *бо́язь*, род. *бо́язі*.

В географическом отношении **bojaznь* представлено весьма широко в слав. языках. Обращают на себя внимание отдельные части слав. территории, где **bojaznь* находится под подозрением книжного происхождения (болг., укр., русск.?) или отсутствует совершенно (в.-луж.).

Праслав. **bojaznь* связано общей основой с праслав. **bojati sę* (см.), но имеет, вместе с тем, такое собственное соответствие, особенно важное в отношении форманта, за пределами слав. языков, как др.-прусск. *biāsnan* ж. вин. ед. 'страх' (см. Miklosich Lex., там же, EW 16, Berneker I, 68, Vasmer I, 114; о др.-прусск. слове см. Trautmann Apr. Sprd. 2, 311).

***bъdno:** н.-луж. *beno* ср. 'желудок, брюхо, пузо (у скота)' Muka Sł. I, 30), в других слав. языках отсутствует. Miklosich EW 9 упоминает н.-луж. слово, оставляя без объяснения, Berneker SEW совсем не приводит. Это слово можно рассматривать как продолжение праслав. диал. **bъdno*, связанного так или иначе с праслав. **dъbno*, представленным во всех слав. языках, ср. в том числе н.-луж. *deno* 'пузо, брюхо, желудок (у скота)', *dno* 'дно' (Muka Sł. I. 163, 173). Непосредственные соответствия праслав. диал. **bъdno* представлены в др.-инд. *budhná*— 'дно', лат. *fundus* то же, ср.-ирл. *bond* 'подошва', далее — герм. **buþma-* (др.-в.-нем. *bodam*, др.-сакс. *bodam*, нем. *Boden* 'дно', др.-англ. *botm*, *bodan*, англ. *bottam* 'дно', др.-исл. *botn*, то же), с расширением основы сюда же греч. πυθμήν 'дно' (ср. об этих последних словах Holthausen, Vgl. u. etym. Wb. des Awn. 23, Kluge[17], 88, Franck-Van Wijk 75, Boisacq 825—826, Walde[2] 325—326, Ernout-Meillet I, 464—465, Pokorny I, 174). Характеристику н.-луж. *beno* как продолжения праслав. диал. **bъdno* см. Трубачев.—«Серболужицкий лингвистический сборник»—печатается. См. **dъbno*.

***bylьje:** ст.-слав. **быліѥ** 'травы, целебные средства' (Супр., Sadnik—Aitzetmüller 15), болг. *би́ле* 'целебное растение; яд, зелие' (Геров I, 93), сербохорв. собир. *би̏ље* 'herba' (Rječn. I, 303), словен. *bîlje*, чеш. *býlí* ср. собир. 'растение, кустарник' (Jungm. I, 208—209), др.-чеш. *býlé*, *býlí* ср. 'растение, кустарник' (Geb. I, 124),

слвц. *býlie* то же (Slovn. slov. j. I, 149), польск. *byle* 'кустарник, куст' (Linde I, 210), др.-польск. *byle* 'herba, vepres' (Słown. stpol. I, 208), русск. *былье*, укр. *билля* 'былие' (Гринч. I, 56).

Праслав. **bylьje* соответствует греч. φύλλον 'лист' (Гомер и др.), вплоть до суффиксального расширения *-i̯o-* (см. о греч. слове Chantraine. La formation des noms en grec ancien 54); вместе с греч. φύλλον праслав. **bylьje* могло бы продолжать и.-е. **bhŭ̄-l-i̯o-m*, производное в конечном счете от глаг. основы **bhŭ̄-* 'расти, увеличивать(ся)', сюда же лат. *folium* 'лист' (см. несколько иначе Walde[2] 303—304, Boisacq 1041).

Эти цельнолексемные сближения, возможно, позволяют считать достаточно ранним образованием праслав. **bylьje* наряду с **bylь,* bylina* (см.), а, может быть, и старше их. Даже если допускать параллельное, независимое развитие греч., лат. и праслав. форм, едва ли имеет смысл, минуя факт их тождества, говорить об образовании **bylь,* bylьje* с формантом *-l-* от *byti* (ср. Berneker I, 113, Vasmer I, 158).

***cěliti:** ст.-слав. **цѣлити** (Sadnik—Aitzetmüller 15), болг. *целя́* 'лечу' (Геров V, 532, Речн. на съврем. бълг. книж. ез. III, 588), сербохорв. *циjѐлити* 'sanare' (с XVI в., редко, Rječn. I, 784), словен. *céliti* 'целить, лечить' (Pleteršn. I, 77), др.-чеш. *cěliti* (Geb. I, 136), чеш. *celiti* (Jungm. I, 222), слвц. *celit́*, польск. диал. *celić* 'приводить в чувство' (Warsz., I, 260), др.-польск. *celić*, *calić* 'reficere' (Słown. stpol. I, 212), в.-луж. *cylić* 'ganz machen, ergänzen', др.-русск. *цѣлити* 'лечить' (Срезн. III, 1449); праслав.**cěliti,* cěl'ǫ* (< **koi̯lj-*) с характерным суффиксом *-j-* соответствует довольно точно гот. *hailjan* 'θεραπεύειν', др.-сакс. *hēlian* 'лечить'.

Отношения праслав. **cěliti* к праслав. **cělъ* (см.) таковы, что едва ли можно, судя по концу основы, производить первое от последнего (что несомненно, например, для праслав. **cělov-ati*). Скорее всего, на уровне праславянского языка и **cěliti* и **cělъ* представляют продолжение словообразовательно-морфологических отношений предыдущей эпохи, о чем говорят и герм. соответствия (см., далее, Berneker I, 123—124, Vasmer III, 287—288).

***čьrvъ:** русск. диал. *черв* 'серп', сюда же *черва́к* 'пила' (Даль[2] IV, 590).

Названное диал. слово, сближавшееся более или менее правдоподобно — как родственное — с лит. *kir̃vis*, лтш. *cirvis* 'топор', др.-инд. *kṛ́viṣ* 'орудие ткача' (Zubatý—AfslPh XVI, 1894, 388, вслед за ним — Berneker I, 172, Mülenb.—Endz. I, 388, Vasmer III, 317), может считаться продолжением слабо сохранившегося праслав. диал. **čьrvъ*.

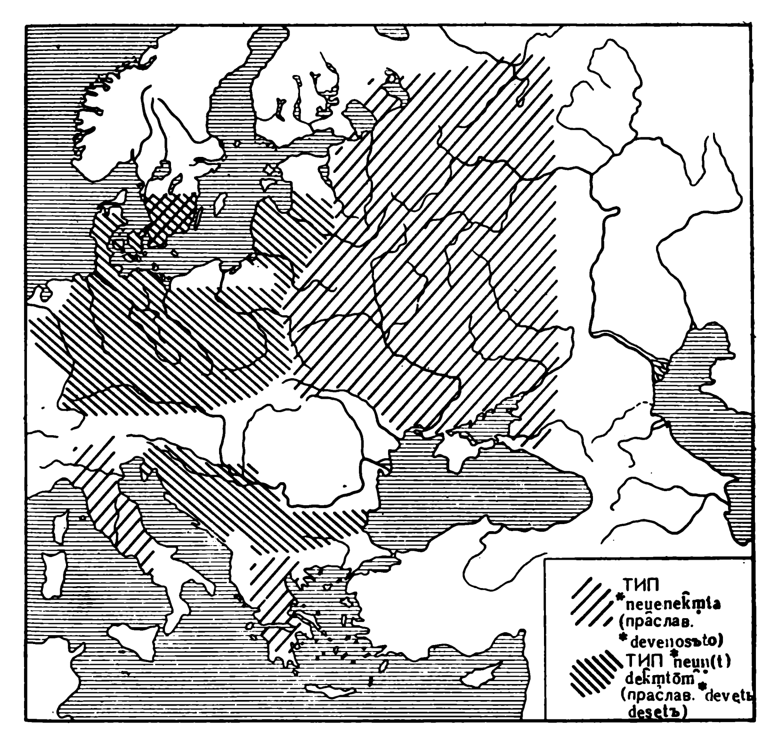
***datь:** ц.-слав. **дать** ж. 'дар, δόσις, datio' (Ио. Экз., Miklosich Lex. 154).

Праслав. (диал.?) **datь* ж. точно соответствует авест. *dāiti-* ж. 'дар', далее — греч. δῶτις, δόσις, лат. *dō(t)s*, род. *dōtis* 'дар, приданое', лит. *dúotis* 'дар' (см. еще Fick[3] I, 341, Walde[2] 238). Праслав. **datь*, сущ. ж. р., интересно тем, что представляет собой в сущности дославянский им. ед. **dōti-s* той же именной парадигмы, куда принадлежало **dōtēi*, первоначальный дат. ед., давший позднée праслав. **dati* (см.), глаг. инфинитив.

***dervěnъjь:** ст.-слав. **дрѣвѣнъ** (Клоц., Супр.), **дрѣвьнъ** (Син. Пс., Клоц.) 'деревянный' (Sadnik—Aitzetmüller 22), болг. *дъ́рвен* 'деревянный' (Речн. на съврем. бълг. книж. ез. I, 305), макед. *дрвен* то же (Речн. на мак. j. I, 155), сербохорв. *дрѐвен* 'ligneus, arboreus', *др̏вен* 'ligneus' (Rječn. II, 771, 818), словен. *drêven* 'деревянный' (Pleteršn. I, 171), др.-чеш. *dřěvěný* (Geb. I. 330), чеш. *dřevěný* 'деревянный', слвц. *drevený* то же (Slovn. slov. j. I, 327), др.-польск. *drzewiany* 'drewniany, zrobiony z drzewa' (Słown. stpol. II, 203), н.-луж. *dŕewjany* Muka Sł. I, 204), в.-луж. *drjewjany*, полаб. *drĕvnė* 'деревянный' (Rost 124), др.-русск. *деревѧныи* (Срезн. I, 654), русск. *деревя́нный*, укр. *дерев'яни́й* (Гринч. I, 369), ст.-укр. *деревяный* (Тимч. I, 696).

Праслав. **dervěnъ(jь)*, этимологические связи которого с праслав. **dervo* (см.) совершенно очевидны, заслуживает, тем не менее, специального внимания в том смысле, что словопроизводное отношение **dervo—*dervěn-* не является инновацией праславянского, но, скорее, представляет собой унаследованное архаическое отношение, судя по наличию собственных полных и.-е. соответствий у праслав. **dervěnъjь*, ср. авест. *drvaēna-* 'деревянный', греч. δρυϊνός то же, гот. *triweins* 'ξύλινος' (Fick[3] I, 105, Feist[3] 481).

***devenosъto:** др.-русск. *девѧносто* (с 1398 г., Срезн. I, 650), русск. *девяно́сто*, укр. *дев'яно́сто* 'девяносто'

(Укр.-русск. I, 387; Гринченко не приводит этой формы, давая только *дев'ятдесят* 'девяносто', см. Гринч. I, 365), блр. *дзевяно́ста*.

Праслав. диал. **devenosъto*, представленное исключительно в вост.-слав., является, тем не менее, фактом глубокой, дослав. древности. Имеет собственные полные соответствия в лат. *nōnāgintā*, греч. ἐνενήκοντα, гот. *niuntēhund* 'девяносто' и реконструируется как и.-е. диал. **neu̯enek̑m̥ta* (см. уже Prusík KZ XXXV, 1898, 599, Berneker I, 189, Преобр. I, 176, Vasmer I, 334, Vaillant. Gramm. comp. II, 642, 645). Иные этимологии менее вероятны (см. напр. Ржига ФЗ 1879, 3, 1).

Взаимоотношения праслав. **devętь desętъ* (в большинстве слав. языков) и праслав. диал. **devenosъto* (русск., укр., блр.) весьма любопытны сами по себе, а также как лексико-грамматический показатель праслав. диалектных отношений и дифференциации. Обычная сохран-

ность числительных и прежде всего — однородность числительных в слав. языках заставляют отнестись к этому расхождению особенно серьезно. Праслав. **devętь desętъ* (см.) можно рассматривать как инновацию (см. Vaillant, там же), которой не затронут вост.-слав. Балт. языки знают числит. '90' уже нового типа: лит. *devynesdešimt*. К числу резервов внутренней реконструкции при этимологии праслав. **devenosъto* может быть отнесен такой выдающийся архаизм морфологии числительных, как сохранение конца основы и.-е. **neun̥*, протослав. **neven-* без расширения *-t-*: праслав. **deven-o-sъto* при праслав. **devętь*, ср. лит. *devynì*. Иным образом эта особенность *devenosъto* не может быть удовлетворительно объяснена.

Прилагаемая схематическая карта усиливает вероятность инновационного характера праслав. **devętь desętъ* (=* *neun̥t dek̑m̥tōm*), и, напротив, — архаического характера периферийного типа *devenosъta* (=**neuenek̑m̥ta*).

***do dolu:** укр. *додóлу* 'на пол, на землю, до земли' (Гринч. I, 391), ст.-укр. *додолный* 'що долу сягає, доземний, додільний' (Тимч. I, 775).

Праслав. **do dolu* выделено особо больше в порядке эксперимента. Основанием для этого послужили, кроме общих соображений о необходимости учета групповых лексем в этимологических словарях, также некоторые специальные внутренние и внешние данные. Первые заключаются гл. обр. в допустимости такого словосочетания — предл. **do* (см.) с род. ед. от **dolъ* (см.) — как древнего и устойчивого, вторые — в наличии, в свою очередь, внеславянского группового соответствия: ср.-нидерл. *te dāle*, ср.-в.-нем. *ze tal*, др.-сакс. *te dale*, др.-фриз. *to dele* 'вниз' (см. о герм. словосочетаниях Franck—Van Wijk 104—105, где только указано на близость значения этого герм. словосочетания и ст.-слав. **долоу**).

***domatjьjь, *domatjьnъjь:** ст.-слав. **домашьнь, домаштьнь** (Sadnik—Aitzetmüller 21), болг. *домáшен, домáшни* (Речн. на съврем. бълг. книж. ез. I, 274), макед. *домашен* 'domaći', но *дóмаќин* 'хозяин' (Речн. на мак. j. I, 148), сербохорв. *дòмаħӣ* 'domesticus, familiaris' (Rječn. II, 616—617), словен. *domàč* 'домашний' (Pleteršn. I, 154), чеш. *domácí* 'домашний' (Jungm. I, 418), др.-чеш. *domácí* (Geb. I, 291), слвц. *domáci* (Slovn. slov. j. I, 294), польск. диал. *domacy*, *domący* (Warsz. I, 502, 503), др.-польск.

domacy (Słown. stpol. II, 129), кашуб, *domôci* (Ramułt 27), в.-луж. *domjacy*, *domjacny* (Pfuhl 131), н.-луж. *domacny* (Mnka Sł. I, 186), др.-русск. *домачьнии* (Срезн. I, 698), русск. *домáшний*, укр. *домáшнiй*, ст.-укр. *домашний* (Тимч. I, 776).

В первую очередь должно быть отделено **domatjьnъjь*, как явно вторичное производное на *-no-* от более старого **domatjь(jь)*. Вместе с тем эта вторичная форма носит тоже достаточно ранний характер, поэтому оспаривать ее праславянскую принадлежность пока нецелесообразно, лучше рассматривать формы на *-no-* в одном ряду с первичными, тем более что строгое размежевание между ними вообще затруднительно (нередко это — варианты, свойственные одному и тому же языку). Праслав. **domatjьjь* объясняют обычно как производное с суф. *-tjo-* от праслав. **doma* (см.), ср. др.-инд. *amā́tya-* 'домочадец, спутник' (Miklosich Vgl. Stammb. 155—156, его же EW 48, Berneker I, 210, Zubatý AfslPh XIV, 1892, 152, Мейе Общеслав. 287, Vaillant. Gramm. comp. I, 100). Не исключена, однако, и иная точка зрения, вызванная прежде всего стремлением объяснить наличие наряду с **domatjьjь* еще и праслав. **domovъjь* (см.); возможно, первоначально их характеризовали определенные функциональные отличия. Вопрос требует специального дополнительного изучения, здесь можно предварительно высказать предположение о том, что **domovъjь* и **domatjьjь* происходят соответственно от разных падежных форм, в частности праслав. **domatjьjь* могло развиться из **domat-+-jo-*, где **domat-* продолжает архаическую падежную форму abl. sing. **domōt*. Отсюда **domōt jis* '(из) дома который'. В условиях своеобразного liaison'а ** domatjo-* конечное *-t* отложительного п. сохранилось. Случаи деривации от косвенных пп. с помощью местоименного *-jo-* известны, ср. лит. *mū́sųjis*: *mūsų*, род. мн., слав. *našь*, *vašь*: *nasъ*, *vasъ*, род. мн., + *-jo-* (см. о последних Vondrák Vgl. slav. Gr.I², 508).

***dorbъ**: др.-русск. *удоробь* (Срезн. III, 1154), русск. диал. *дороб* 'короб' (Преобр. I, 191), блр. *дóроб* 'короб' (Носов. 142), сюда же русск. диал. *удорóба* 'худой, надбитый горшок' (Даль² IV, 474), укр. *дорóбайло* 'сито' Блр. *дорóбiць* 'коробить' (Носов. 141), которое Miklosich EW 49 считает заменой формы *коробить*, можно объяснить как отыменный гл. от *дороб*.

Праслав. диал. **dorbъ*, которое может быть реконструировано только на основании восточнославянских данных, сближают с др.-инд. *darbhá-* 'пучок травы', *dṛbháti* 'вьет, плетет, связывает', др.-в.-нем. *zerben* 'вертеться, оборачиваться' (Berneker I, 211, Vasmer I, 363). Лит. *darbas* в выражении *palmischki darbaj* 'Laubgeflechtwerk' сюда специально не относится, будучи в сущности тождественно *darbas* 'работа, труд' (Fraenkel LEW, Lief. 2, 82—83).

Формы др.-русск. *удоробь*, русск. диал. *удоро́ба* (см. выше) указывают на возможность исходного праслав. **ǫdorbь* (см.).

***dьnьnъjь**: ст.-слав. **дьньнъ** (Euch. Sin., Супр., Sadnik — Aitzetmüller 20), сербохорв. *да̏нањӣ* 'diurnus' (1 раз, XVIII в., Rječn. II, 261), чеш. *denní* 'дневной' (Jungm. I, 355), др.-чеш. *denní, denný* (Geb. I, 227), слвц. *denný* (Slovn. slov. j. I, 249), польск. *dzienny* 'дневной' (Warsz. I, 643, Linde I, 606, Cnapius I, 165), кашуб. *ʒenny* 'дневной' (Ramułt 32), др.-русск. *дьньныи* 'дневной' (Срезн. I, 772), русск. *денно́й* (Даль[2] I, 427—428), укр. *де́нний* 'дневной' (Гринч. I, 367), ст.-укр. *денный* (Тимч. I, 693).

Праслав. **dьnьnъjь*, стоящее в четком отношении как прил. к праслав. **dьnь* (см.), имеет параллельные соответствия в балт. языках, ср. др.-прусск. *deininan*, прил. вин. ед. (Trautmann Apr. Sprd. 2, 319), лит. *dienìnis* 'дневной'. Возможно, эти данные косвенным образом свидетельствуют об относительной хронологии оформления **dьnьnъjь*, с одной стороны, и **dьnevьnъjь* (см.), **dьnьskъjь* (см.), с другой.

***(j)ede/*(j)edi**: сербск.-цслав. **єдє къıи** 'quidam', русск.-цслав. **єдє чьто** (Miklosich Lex. 1150), болг. *еди-кой* 'кто-нибудь' (Речн. на съврем. бълг. книж. ез. I, 314, Геров II, 3, Младенов БТР I, 638).

Этот сугубо локальный элемент, сохранившийся, собственно, только в современном болг. языке, сравнивали с др.-в.-нем. *ete-waȥ*, нем. *et-was* 'что-нибудь', что, как отмечалось, невозможно фонетически; в то же время сближение этой морфемы с и.-е. **ed* ср. р. (местоим. основа **e-*) вызывает сомнения относительно морфологии (см. подробнее Berneker I, 261, Младенов, 159, Sławski I, 544). Случай, не достаточно ясный этимологически (может быть, к др.-инд. *yádi*, др.-перс. *yadiy*, мл.-авест. *yeᵋδi* 'если'? — Ср. о последних Bartho-

lomae, Vorgeschichte der ir. Sprachen. — «Grundriss der ir. Philologie» I, 1, 1895—1901, 142; Bartholomae Air. Wb. 1239—1240, Mayrhofer).

Во всяком случае *(j)ede/*(j)edi представляется потенциальным праслав. диал. лексическим элементом, являясь скорее архаизмом, чем новообразованием.

***evinъ, *evьna:** др.-русск. *овинъ* 'строение для сушки хлеба в снопах' (XIV в., Срезн. II, 592), русск. *овйн* 'строенье, для сушки хлеба в снопах топкою' (Даль² II, 641), диал. *евня* 'овин' (там же, I, 513), укр. *бвин* (приводят Бернекер и Фасмер, см. ниже, не указывая, — откуда; Гринченко этого слова не дает), блр. *ёўня* 'овин' (Носов. 150).

Праслав. диал. формы **evinъ*, **evьna*, реконструируемые на основе приведенных выше исключительно восточнославянских слов, возможно, родственны лит. *javìnis*, прил. 'хлебный', *javienà* (наиболее полное соответствие), авест. *yəvīn-* 'поле, засеянное хлебом', далее — лит. *javaĩ* мн. 'хлеб (на корню)', др.-инд. *yávas-* 'хлеб (на корню), просо, ячмень', авест, *yava-* 'хлеб (на корню, в зерне)', греч. ζειαί 'полба'; сравнивают также с лит. *jáuja* 'помещение, где сушат и треплют лен' (Miklosich 228, Berneker I, 455, Trautmann BSW 107, Vasmer I, 389, II, 249, Mayrhofer, Boisacq 307).

Словообразовательная структура слав. слов (суффиксальное *-n-*) в свете сравнительных данных представляется довольно ясной, однако соответствующий корень в слав. языках нигде более неизвестен. Учитывая распространение части форм (**evьna*) только на территориях, соседних с балтийскими, следует иметь в виду возможность раннего заимствования (ср. Vasmer I, 389).

***ědja:** сербск.- цслав. ꙗжда 'пища, еда' (Miklosich Lex. 1144), русск. диал. *ёжа* 'еда, пища' (Даль² IV, 660), укр. *ї́жа* 'еда, пища' (Гринч. II, 196), блр. *е́жа* 'еда, пища', сербохорв. диал. *jềђа* 'jело' (Rječn. IV, 565), словен. *jẹ́ja* 'пища' (Pleteršn. I, 364), польск. (стар. и диал.) *jedza* 'пища' (Linde II, 263, Cnapius I, 244), н.-луж. *jěza* 'еда, пища' (Muka Sł. I, 551).

Праслав. **ědja*, рассматривавшееся ранее обычно внутри этимологической статьи *jad-* (Miklosich EW 98), *ěть*, *ěsti* (Berneker I, 273—274), заслуживает выделения в особую статью наряду с **ědmь*, **ěsti* (см.), **ědь*

(см.), **ĕdlo* (см.), **ĕstva*/**ĕstvo* (см.), **ĕsli* (см.), **ĕdmę* (см.), *projĕsti*/*projĕdati* (см.), **sъnĕsti*/**sъnĕdati* и др. образованиями от того же корня. Помимо практических соображений, такой метод гарантирует от искажения хронологической перспективы, которое неизбежно, если очевидно древняя (дославянская) именная словообразовательная модель оказывается помещенной на правах производной под заглавной глагольной праслав. формой. Праслав. **ĕdja* первоначально обозначало, вероятно, то, что едят, пищу, о чем говорят и современные формы в слав. языках (см. выше) и четкая фонетико-морфологическая структура праслав. **ĕdja* < **ēd-i̯-ā*, старое производное с суф. *-i̯-*, ср. и ударение на слоге, предшествующем *-i̯-*: укр. *їжа*, сербохорв. *jȅђа* (закон Ван-Вейка), т. е. 'то, что относится к еде', ср. особенно др.-инд. *ādyá-* 'съедобный', др.-исл. *ǣtr* (**ātjaz*) то же, далее — лит. *ėdžios* мн. ж. 'кормушка, ясли', лат. *in-edia* ед. ж. 'голодание' (см. данные в словарях: Fick[3] I, 483, Berneker I, 274). Это делает ясным отличие праслав. **ĕdja* от праслав. **ĕda* (см.), последнее прежде всего обозначало сам процесс еды. Аналогичные, не менее древние отношения наблюдаем между праслав. **vĕda* (см.) и праслав. **vĕdja* (см.).

***ĕdmę**: русск. (стар. и диал. сарат., псковск.) *éмины* мн. 'харч, пища, особ. хлеб, оставляемый для домашнего запасу, не продажный' (Даль[2] IV, 660, а также напр. в переписке стольника Безобразова, л. 73 и в других местах рукописи XVII в.: а па замолоту ис копны выходит по [четверти] с четвериком, а то, г(о)с(у)д(а)рь, им дано на се[мена] и на емена[1]).

Праслав. диал. **ĕdmę* является слабо представленной, но, по всей вероятности, древней лексемой, судя по архаическому способу словообразования (первоначально согласная основа на *-men-*), однако до сих пор эта лексема как будто не привлекала внимания и в этимологических словарях не учтена. Реконструируется довольно просто на основе современной характеристики русск. диал. *éмины* мн., ст.-русск. *емена* как вторично тематизированного, ср. укр. *знаменó* — русск. *знáмя* (праслав. **znamę*, *-mene*), откуда исходное **емя* < **ѣмя* <

---

[1] Рукопись издается Институтом русского языка АН СССР.

< праслав. **ědmę* < **ědmen-*. С последним сравним лит. *ėdmenė̃* 'valgomieji daiktai', образованное с суф.- *menė* (см. о лит. слове Skardžius Liet. kalbos ž. dar. 237) и точное соответствие в др.-инд. *admа* ср. 'пища' < **edmn̥* (см. о последнем Mayrhofer, I, 30). Дальнейшие сведения по этимологическим связям основы **ěd-* см. на праслав. **ědmь*, **ěsti*.

***gnobiti, *gonobiti**: словен. *gonobîti* 'портить, губить' (Pleteršn. I, 232), сюда же *gonôba* 'вред, гибель', слвц. *honobit'* 'собирать, копить' (Slovn. slov. j. I, 504), польск. *gnąbić*, *gnębić* 'давить, угнетать' (Linde II, 72, Cnapius I, 196), др.-польск. *gnębić* 'dręczyć, uciskać' (Słown. stpol. II, 435), словин. *gną̃bjĭc* 'угнетать' (Lorentz I, 282), русск. диал. *гонóбить* 'припасать, собирать, копить' (Даль[2] I, 374), укр. *гнобúти* 'угнетать' (Гринч. I, 295), *гонóбúти* 'устраивать, делать как следует, удовлетворять; лелеять' (там же, 308).

Почти исключительно сев.-слав. слова; словен. форма, возможно, появилась в результате старых контактов с зап.-слав. языками.

Польск. *gnębić*, *gnąbić* содержит вторичный носовой гласный под влиянием предшествующего *-n-* (Sławski I, 301). Праслав. **g(o)nobiti* ближе всего родственно нидерл. *knap* 'плотно прилегающий', норв. *knabbe* 'стащить', н.-нем. *knappen* 'обрезать, укорачивать; жить кое-как' (см. Pokorny I, 370). Все эти слова отличаются относительно близким вокализмом и общим расширением **-bh-* первичного корня **gen-* 'сжимать'. Сближают праслав. **g(o)nobiti* еще с др.-исл. *knefill* 'кол', др.-в.-нем. *knebil* 'колода для преступника', нидерл. *knevel*, нем. *Knebel* (Berneker I, 327, Sławski; там же, Vasmer I, 292, Franck—Van Wijk 324), но последние слова целесообразно пока оставить в стороне (ср. Pokorny I, 378, Kluge[18] 380). Ср. еще греч. γνάμπτω 'сгибаю' (Prellwitz[2] 97, Boisacq 152). Более серьезное отличие в вокализме основы при близких остальных показателях (включая значение) обнаруживает лит. *gnýbti* 'щипать' (о котором см. Fraenkel LEW 2, 159).

***gludъkъjь**: русск. диал. *глýдкий* 'гладкий, скользкий' (арханг., олон., Даль[2] I, 357).

Праслав. диал. **gludъkъjь*, которое может быть реконструировано на базе этого с.-в.-р. слова, продолжает основу на *-ŭ-* **gloudu-* (распространенную затем

элементом *-k-* аналогично *-й-* основам прилагательных **kortъkъjь* [см.], **soldъkъjь* [см.] и др.), которая точно соответствует лит. *glaudùs* 'ласковый' (Юшкевич II, 443), 'гладко, плотно прижатый, прилегающий' (Niedermann I, 189, см. Berneker I, 308, Vasmer I, 276). О лит. *glaudùs* и близких формах (см. Fraenkel LEW 2, 156).

***gořaninъ**: болг. *горя́нин* 'житель гор, горец' (часто в фольклоре: змей-горянин; повей ми, ветре, горянине. — Из народн. песни. Речн. на съврем. бълг. книж, ез. I, 195), *горяни́н* — о змее, в народн. песнях (Геров I, 239), макед. *горjанин* (како епитет во нар. поезиjа) 'brđanin, goranin, gornjak, gorštak, planinac'; *змеj горjанин* 'zmaj goranin'; *ветар горjанин* 'vetar gornjak' (Речн. на мак. j. I, 109), сербохорв. *го̀ранин* 'monticola' (*горани*, мн., с XIV в., Rječn. III, 277), словен. *gorján* 'житель гор', *gorjánka* 'горянка' (Pleteršn. I, 233), др.-чеш. *hořěnín* «kdo je z hor, bydlí v horách», ср. мест. нн. *Hořěné*, *Hořany* (Geb. I, 463), польск. диал. *gorzanin* 'горец' (Warsz. I, 879), н.-луж. *góŕan* 'горный житель' (Muka Sł. I, 297), в.-луж. *horjan* то же (Pfuhl 214), русск. *горяни́н*, *горя́нка* 'жители гор, горцы' (Даль[2] I, 376), отсюда фам. *Горяинов*, укр. *горя́нин* 'горец, житель возвышенных мест. Галиц'. (Гринч. I, 317).

Почти повсеместно хорошо документированное праслав. **gořaninъ*/**gorěninъ*, по-видимому, было главным обозначением для понятия 'житель гор'. Так, в ю.-слав. языках оно сохраняет указание на старое значение **gora* — 'лес'. Отношения **gorěninъ* — **gorakъ* (см.) аналогичны отношениям *poĺaninъ* (см.) — **pol'akъ* (см.), **sedĺaninъ* (см.) — **sedĺakъ* (см.). Вариант **goralь* (см.), примерно в том же значении, занимает компактную территорию (слвц., польск.) и скорее походит на относительное новообразование, чем на древний элемент. На юге утвердились производные от *планина* < **polnina* (см.). В остальном праслав. **gorěninъ* не представляет этимологической проблемы, будучи ясным производным с суф. **-ěn-* от **gora* (см.).

***gordьnъjь**: ст.-слав. **градьнъ** 'городской' (Супр., Sadnik—Aitzetmüller 31), 'κήπου, horti', Супр., сербск.-цслав. (Miklosich Lex. 141), сербохорв. *гра̑дан* 'коjи припада граду, градски' (с XIII по XVIII в., редко,

Rječn. III, 364), др.-чеш. *_hradní/ý_ 'управляющий замком' (Geb. I, 484, конъектура автора), слвц. _hradný_: hradná stráž, hradné nádvorie, hradné múry (Slovn. slov. j. I, 517), др.-русск. _городьныи_ 'городской, принадлежащий городу' (Срезн. I, 557), русск. стар. '_городнóй_ 'относящийся к городу': городной воевода (Даль² I, 381).

Праслав. *_gordьnъjь_, связанное с праслав. *_gordъ_ (см.), представляет некоторые трудности в том, что касается функционально-семантических различий между *_gordьnъjь_ и *_gordьskъjь_ (см.). В качестве возможного внешнего соответствия праслав. *_gordьnъ(jь)_ можно иметь в виду лит. мест. н. _Gardinas_=польск. _Grodno_: балт. *_Gard-ina-_, далее — лит. _gardìnis_ 'обнесенный решетчатой загородкой, обрешетинами' (Dab. liet. kalb. žod. 198).

***gordьskъjь**: ст.-слав. **градьскъ** 'городской' (Супр., Sadnik—Aitzetmüller 31), 'πόλεως, urbis', Супр., сербск.-цслав. (Miklosich Lex. 141), болг. _гра́дски_ (Речн. на бълг. книж. ез. I, 199, Геров I, 243), макед. _градски_ (Речн. на мак. j. I, 113), сербохорв. _гра̀дскӣ_ (Rječn. III, 374), словен. _grâdski_ 'замковый, господский' (Pleteršn. I, 243), чеш. _hradský_ 'замковый' (Jungm. I, 744), слвц. _hradský_ 'кастелян', _hradská_ 'шоссе, большая дорога' (Slovn. slov. j. I, 518, Исаченко Слвц.-русск. I, 206), в.-луж. _hródski_ 'замковый' (Pfuhl 220), польск. _grodzki_ 'замковый, крепостной' (Warsz. I, 909, Linde II, 124, Cnapius I, 209), др.-польск. _grodz(s)ki_ то же (Słown. stpol. II, 492), др.-русск. _городьскыи_ 'городской, принадлежащий городу' (Срезн. I, 558), русск. _городскóй_, укр. _городськи́й_ 'городской' (Гринч. I, 315), ст.-укр. _городскый_ (Тимч. I, 576).

Праслав. *_gordьskъjь_, связанное с сущ. праслав. *_gordъ_ (см.), обнаруживает любопытный параллелизм, вплоть до оформления с помощью суф. _-ьsk_, в отношении к др.-исл. _gėrđsk-r_, _gerzk-r_ (герм. *_garđiskaz_) с несколько специальным значением 'русский, из Garđariki, т. е. Новгородской земли' (см. о последнем слове Holthausen, Vgl. u. etym. Wb. des Awn. 83).

***gъdelъ**: болг. _гъ́дел_ 'щекотание', 'щекотливое место у человека' (Речн. на съврем. бълг. книж. ез. I, 213, Геров I, 265), макед. _гадел_ м. (dijal.) 'golicanje', v. скокот (Речн. на мак. j. I, 90).

Праслав. диал. **gъdelъ*, реконструируемое на материале исключительно восточной группы южнославянских языков (макед., болг.), представляет собой древнее слово с надежными этимологическими связями за пределами славянского, ср. др.-в.-нем. *kuzzilōn*, нем. *kitzeln* 'щекотать', др.-англ. *cytelian*, англ. *(to) kittle*, др.-исл. *kitla* то же (герм. **kutilōn*), Berneker I, 367, Младенов 115, о герм. словах см. Kluge[18] 371, Holthausen Vgl. u. etym. Wb. des Awn. 153).

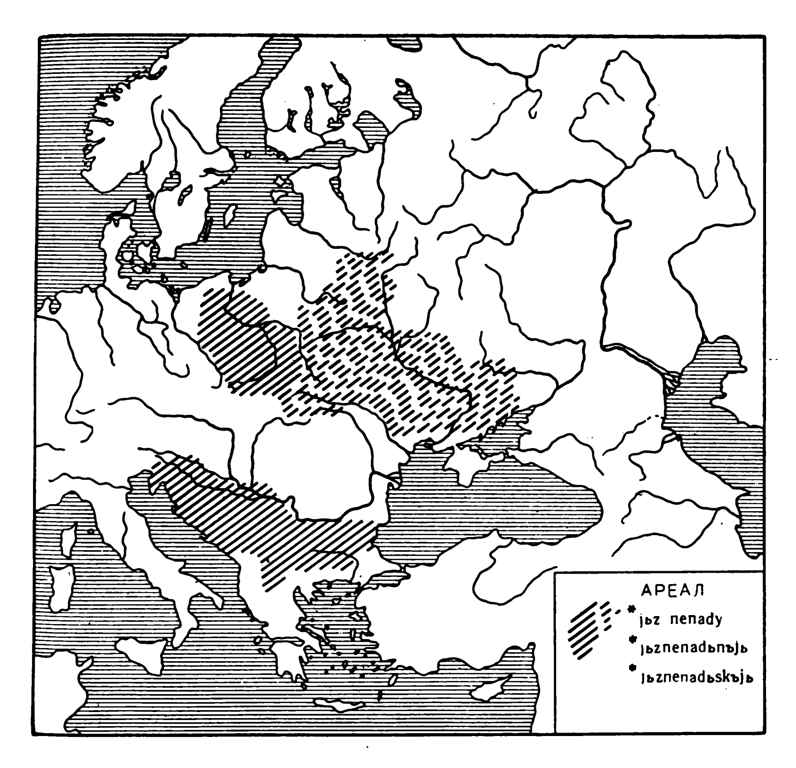
***jǫtiti(sę):** русск. *юти́ть* 'дать пристанище, укрывать, прятать', обычно с приставкой при-; юти́ться (Даль[2] IV, 670).

Это исключительно великорусское слово (сюда же отглаг. производные сущ-ные *приют*, *уют*), неизвестное уже укр. и блр. языкам, может быть пока охарактеризовано как недостаточно ясное этимологически, однако указания на заимствование отсутствуют. Выдвигаемая для этого слова этимология, согл. которой оно родственно лтш. *jùmts*, *jumta* 'крыша', *jumt* 'крыть (кровлю)' (Mūlenb.-Endz. II, 119, III, 37, Vasmer III, 474), делает возможным осторожную гипотезу о сохранении в данном случае праслав. диал. **jǫtiti*.

***jьnъ(*jь no):** др.-чеш. *jen*, местоим. м., 'этот, который' (Geb. I, 628—629), др.-польск. *jen* 'он; этот, тот; который' (Słown. stpol. III, 160 и след.).

Праслав. диал. **jьnъ* представляет собой сочетание указательного местоим. с усилительной частицей, т. е. **jь no*. Ограничено исключительно зап.-слав. языками. Анализ и попытку реконструкции древнего состояния в польск. языке см. Rysiewicz, Zachodnio-słowiańskie *tъnъ*, *sьnъ*, *jьnъ*. — „Studia językoznawcze" 1956, 65 и след. Можно добавить замечание, что праслав. диал. **jьnъ* (**jь no*) продолжает очень старую конструкцию и находит точное соответствие в фриг. ιος νι (в функции относительного местоим.). В таком случае это было бы своеобразной сепаратной западнославянско-фриг. изоглоссой.

***jьz nenady, *jьznenadьnъjь/*jьznenadьskъjь,** adv. ***jьznenadьsky:** болг. *изнена́да* ж. 'нечаянность, сюрприз' (Геров II, 250, Речн. на съврем. бълг. книж. ез. I, 509), макед. *изненада* «iznenađenje, iznenađenost» (Речн. на мак. j. I, 286), сербохорв. *ѝзненâда* 'unverhofft, ex insperato' (Караджь. 236), *изненад* ж. «ненадан догађај,

случаj», *ӣзненâд* adv., *ӣзненâда* 'неожиданно', *ӣзненâдан*, *ӣзненâдњӣ*, *ӣзненâдскӣ* прил. 'неожиданный', *ӣзненâдê*, *ӣзненâди* = *изненада* (Rječn. IV, 262—263), словен. *iznenâda*, *iznenâde*, *iznenâdi* 'неожиданно', *iznenáden* 'неожиданный' (Pleteršn. I, 323), польск. *znienacka*, стар. *znienadzka*, стар. *znienaczka* 'вдруг, неожиданно, нечаянно' (Warsz. VIII, 584—585), укр. *знена́цька* 'неожиданно, внезапно' (Гринч. II, 173, Укр.-русск. II, 253), блр. *знена́цку* 'неожиданно, нечаянно' (Носов. 216), *зняна́цку* (Русско-блр. 62).

Основной и, возможно, исходной из рассматриваемых форм является праслав. **jьz nenady*, рано развившее, по-видимому, свойства устойчивого словосочетания, что послужило одновременно поводом для его адвербиализации. Остальные — как болг. сущ. ж. р. *изнена́да*, так и прил-ые на *-ьnъ(jь)*, *-ьskъ(jь)* — происходят уже от адвербиализованного праслав. **jьz nenady*. Все эти

формы занимают довольно любопытный ареал, охватывающий весь слав. юг и — лишь частично — север (польск., укр., блр., см. выше). Правда, Брюкнер считает укр. и блр. слова заим. из польск., в котором он датирует появление этого слова уже XV веком (Brückner 655). Тогда ареал исконно родственных форм (общих инноваций?) окажется ещё более узким, исключительно польско-южнославянским. Географический аспект — наиболее актуальная и интересная проблема в изучении названных выше слов. Этимологические связи представляются более или менее ясными: праслав. **jьz nenady*, сочетание предл. **jьz* (см.) и косв. п. ед. от сущ. **nenada*, собственно *ne-nada*, с отрицанием, связанное с праслав. **naditi* (см.).

***jьziti:** ст.-слав. **изити, изидѫ** 'выйти' (часто, Sadnik-Aitzetmüller 41), цслав. (Miklosich Lex. 246), сербохорв. *изѝħи, ѝзиђе̂м/ѝзиде̂м* 'выйти' (Караджж. 232), *изѝти* (Rječn. IV, 199 и след.), словен. *izíti* 'выйти' (Pleteršn. I, 311).

Праслав. **jьziti* представлено в ю.-слав. языках (при этом отдельные лакуны, как напр. в макед.-болг., могут быть вторичного происхождения). Зап.- и вост.-слав. языки дают ареал **vyjьti* (см.).

Праслав. **jьziti* представляет собой, по-видимому, очень старое сложение, судя по наличию полного параллелизма с лит. *išeĩti* 'выходить, выйти', лат. *exeo* (*exĭtum*) 'выходить'.

(Функциональную характеристику ст.-слав. **изити** см. в кн.: Słoński. Funkcje prefiksów werbalnych w języku starosłowiańskim, 23). Дальнейшие этимологические связи см. на праслав. **jьz* и **jьti*.

***jьzliti:** ст.-слав. **излити** (Син. Пс., Sadnik—Aitzetmüller 41), 'ἐκχεῖν, effundere' (Miklosich Lex. 247), болг. *излѝвам, излѐя* 'выливать' (Геров II, 228, Речн. на съврем. бълг. книж. ез. I, 500), макед. *излее* (3 л. ед.) 'izliti' (Речн. на мак. j. I, 282), сербохорв. *ѝзлити, ѝзлиjе̂м* 'effundere' (Rječn. IV, 221), словен. *izlíti* 'вылить, отлить' (Pleteršn. I, 317), русск.-цслав. *излити, излию* 'ἐκχεῖν' (Срезн. I, 1061).

Праслав. **jьzliti* прослеживается гл. обл. в ю.-слав. языках, нося за их пределами (русск.-цслав. *излити*) скорее характер книжного наслоения (ср. др.-русск. *вылити*). Противоположную картину представляет пра-

слав. **vyliti* (см.). Праслав. **jьzliti* представляет собой древнее сложение основы **liti* (см.) с приставкой **jьz-* (**iz-*) (см., например, характеристику ст.-слав. **излити** в кн.: Słoński, Funkcje prefiksów werbalnych, 28). Определенные указания о возрасте сложения данной гл-ой основы с данной приставкой можно почерпнуть из сравнения с тождественным лит. *iš-líeti* 'выливать, проливать' (Niedermann I, 340), лтш. *iz-līt* (Mülenb.-Endz. I, 765), др.-прусск. *islīuns*, прич. прош. действ. (Trautmann Apr. Sprd. 2, 348).

***jьzrygati:** сербск.цслав. *изрыгати* 'ἐξεζεύγεσθαι, ἐρεύγεσθαι, eructari' (Miklosich Lex. 252), болг. *изрйгвам*, *изрйгна* (Речн. на съврем. бълг. книж. ез. I, 531, Геров II, 298), макед. *изрига, изригне* (Речн. на мак. j. I, 288), сербохорв. *изрѝгати* (Rječn. IV, 295), словен. *izrígati* 'рыгать, блевать' (Pleteršn. I, 340).

Праслав. **jьzrygati*, представленное в ю.-слав. языках, с трудом прослеживается на других славянских территориях, ср. двусмысленные польск. *zrzygać* (Warsz. VIII, 620), н.-луж. *zrygaś* 'rülpsen' (Muka Sł. II, 357) — из **jьzrygati*? **sъrygati?* Ср., с другой стороны, явно книжное происхождение русск. *изрыгáть*. Вместе с тем достоверное праслав. **jьzrygati* (см. примеры выше) является очень древним сложением, восходящим еще к дославянской эпохе. Оно полностью покрывается в основной своей части с лат. *ērūgō* 'меня рвёт' < **exrūgō*, которое засвидетельствовано только в виде этого сложения, что само по себе свидетельствует о древности сложения данной приставки (подробнее см. на праслав. **jьz*) с данной гл-ой основой (см. **rygati*) в части древних и.-е. диалектов. (О лат. формах см. специально Ernout-Meillet[3] 1024). Начало греч. ἐρεύγομαι имеет иное, протетическое происхождение (см. Ernout—Meillet, там же).

***jьzryti:** ст.-слав. **издрыти** 'вырыть' (Син. Пс., Sadnik—Aitzetmüller 41), ср.-болг. (Miklosich Lex. 245), болг. *изрйвам*, *изрйя* 'вырыть' (Речн. на съврем. бълг. книж. ез. I, 531, Геров II, 298), макед. *изрие* (3 л. ед.) 'izriti, izroviti' (Речн. на мак. j. I, 288), сербохорв. *ѝзрити*, *ѝзриjēм* (Rječn. IV, 296—297), словен. *izríti* 'вырыть' (Pleteršn. I, 340).

Праслав. **jьzryti*, сохраненное наиболее четко ю.-слав. языками, — в отличие от сев.-слав. группы, где в том же, локальном, значении 'вырыть' фигурирует **vyryti*

(см.), — представляет собой старое сложение предлога-приставки (подробно см. **jьz*) и гл-ого корня (см. ***ryti*); оформление этого сложения восходит еще к дослав. эпохе. Об этом, в частности, говорит и наличие полных соответствий вроде лат. *e-ruo* (*e-rutum*) 'вырывать, выкапывать', лит. *iš-ráuti* 'вырвать, выкорчевать'. О семантической функции гл-ой приставки в ст.-слав. **издрыти** см. специально (Słoński. Funkcje prefiksów werbalnych, 37).

Сюда, скорее всего, не относятся русск. *изры́ть*, польск. *zryć* 'перерыть, перекопать', в которых можно видеть относительное новообразование, судя по тому, что приставка *jьz-* употребляется здесь не в первичном преимущественно локальном значении, а как формальное средство передачи определенного оттенка действия, Aktionsart.

***jьzvezti:** ст.-слав. **извести, извезѫ** (Sadnik—Aitzetmüller 42), ср.-болг. 'ἐξάγειν, evehere', русск.-цслав. 'κατάγειν, deducere' (Miklosich Lex. 241), болг. *изво́зя*, *изво́звам* 'вывозить' (Речн. на бълг. книж. ез. I, 480, Геров II, 189), макед. *извезе* (3 л. ед.) 'izvesti' (Речн. на мак. j. I, 276), сербохорв. *изве̏сти*, *изве̏зе̑м* 'вывезти' (Караджж. 228), словен, *izvóziti* 'вывозить' (Pleteršn. I, 350).

Праслав. **jьzvezti*, **jьzvezǫ* с уверенностью прослеживается только в ю.-слав. языках. Некоторое затемнение первоначальных отношений и вытеснение первичных форм (**jьzvoz-*, вм. **jьzvez-*) могло быть осуществлено вторично в результате местных причин (ср. позднюю омонимию продолжений праслав. **vez-* и **vęz-* на ю.-слав. почве). Сев.-слав. языки не содержат надежных указаний на существование **jьzvezti*, в то время как в них господствует **vyvezti* (см.).

Следует иметь в виду черты словообразовательно-морфемного тождества, параллелизма праслав. **jьzvezti* и лат. *eveho* (*evectum*), т. е. **ex-veh-* 'вывозить, выезжать'.

Дальнейшие этимологические связи см. на **jьz* и на **vezti*.

***klypati:** русск. диал. (зап., южн.) *клыпа́ть* 'ковылять, хромать, припадать на ногу' (Даль[2] II, 121).

Праслав. диал. **klypati*, возможно, продолжает более древнее **klūp-ā-tēi*/ *klŭp-tēi* и удовлетворительно объяснено как этимологически родственное лит. *klùpti*, *klumpù* 'спотыкаться', *klū́poti* 'стоять на коленях' (Niedermann I,

498), см. Vasmer I, 574. Праслав. **klypati* < **klūpātēi* наиболее полно соответствует лит. *klū́poti* < прибалт. **klūpātēi*.

***kryša**: русск. *кры́ша, кры́шка* (Даль[2] II, 206), укр. *кри́ша* 'кровля' (Гринч. II, 308).

Праслав. диал. **kryša* с основой на *-ā* представлено исключительно в вост.-слав. (наречные формы вроде болг. *кришом*, макед. *кришум*, сербохорв. *кришом* целесообразно пока оставить в стороне). Праслав. **kryša*, близко родственное праслав. **kryti* (см.), будучи продолжением более древней формы **krūsi̯ā*, довольно точно соответствует, вплоть до словопроизводного форманта и конца основы, др.-шв. *rösia* < **hrausiō* (см. подробнее Holthausen Vgl. u. etym. Wb. des Awn. 127, а также Berneker I, 633, Vasmer I, 673, Pokorny I, 616).

То обстоятельство, что русск. *крыша* поздно выступило в значении 'кровля дома' (см. Иссерлин УЗ ЛГУ 267, 1960, 223 и след., а также об этом слове еще у Петерсона ВЯ, 1952, № 5, 75), еще не дает основания считать данное слово вообще поздним образованием.

***ligati**: укр. *залига́ти, зали́гувати* 'надеть веревку (налигач) на рога вола', *нали́гувати, налига́ти* 'набрасывать веревку на рога (быка, коровы)', *полига́тися* 'сойтись, связаться с кем' (Гринч. II, 58, 499, III, 283, Укр.-русск. II, 68, 616).

Праслав. **ligati*, или точнее — **zaligati*, **naligati*, **poligati*, является примером четко ограниченного территориально праслав. лексического диалектизма, поскольку его продолжения известны только укр. языку. Имеет хорошую и.-е. этимологию, ср. прежде всего лат. *ligō*, *ligāre* 'связывать', алб, *lith* 'связываю, завязываю, опоясываю' (см. подробнее Berneker I, 717, Walde[2] 429, см. также Vasmer II, 40, под *лигозить*, Pokorny I, 668).

***malotja**: сербохорв. *ма̀лоћа* 'малость, малое количество' (засвид. с XVII в., Rječn. VI, 419—420), словен. *malôča* 'die Kleinigkeit' (Pleteršn. I, 546), сюда же следует отнести укр. *мале́ча* собир. 'малые дети, малыши, мелкота, мелюзга' (Укр.-русск. II, 477, Гринч. II, 400), блр. *мале́ча* 'малолетний'; (собир.) 'мальчуги' (Носов. 278, Русско-блр. 253: мелюзга).

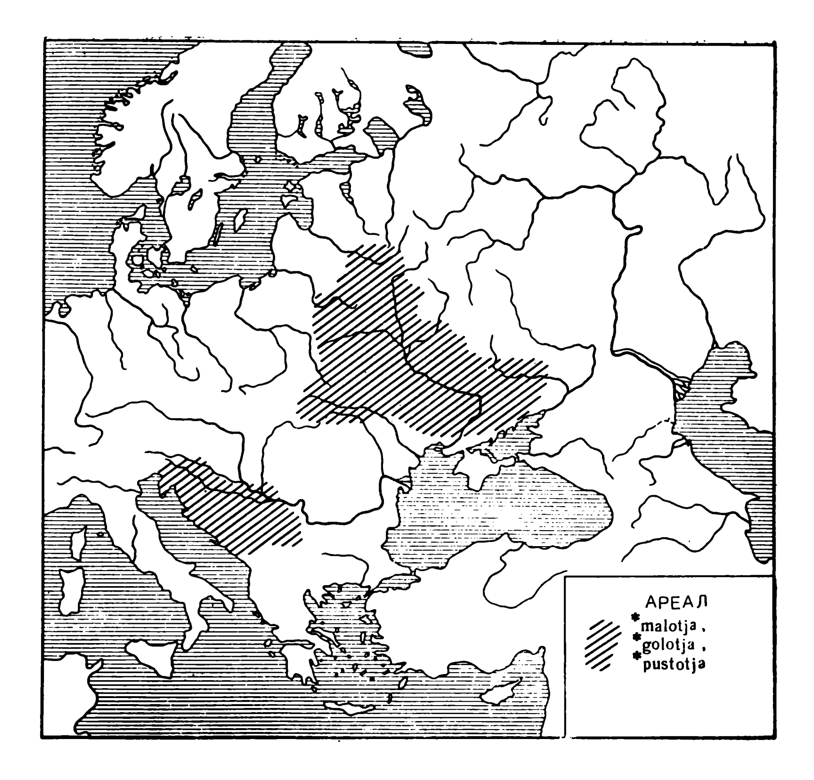
Праслав. **malotja* представляется довольно яркой словообразовательно-лексической изоглоссой, объединяющей зап. группу ю.-слав. языков (словен., сербохорв.)

и часть вост.-слав. языков (укр., блр.). До сих пор эта изоглосса не служила предметом исследования в плане раннеславянских междиалектных изоглосс, в частности — укр. (и блр.) — сербохорв. (и словен.) параллелей. Заслуживает особого внимания как очевидное (общее? параллельное?) новообразование названных групп праслав. диалектов. Основной исследователь материала, имеющего сюда отношение, Бошкович (см. ЈФ XV, 1936, 125 и след.), не зная вост.-слав. соответствий, говорит об образованиях на *-otja* как исключительно словенско-сербохорватских.

Предлагаемое выше объяснение укр. и блр. слова как соответствия словен. и сербохорв. фактам кроме общей вероятности опирается еще на несколько аналогичных (словен.-сербохорв.-укр.(-блр.) полных лексических соответствий того же образования. Таковы праслав. **xoldьnotja* (см.): сербохорв. *хладнoћа* — укр. *холоднéча* — блр. *халаднéча* (диал., минск.); **golotja* (см.): сербохорв. *голòћа* — словен. *golôča* — укр. *голéча*; **pustotja* (см.); сербохорв. *пустоћа* — словен. *pustôča* — блр. *пустэ́ча* (диал., игум.).

Ощущается недостаток в проверенном полном материале. Блр. примеры (без всяких попыток интерпретации) приводит Карский (Белоруссы, т. II, 2, 1911, 44). Бошкович (см. выше) приводит далеко не весь материал. Rječn. Jugosl. Ak. датирует упоминание сербохорв. *малоћа* XVII в., *голоћа* — XVI в.

Укр. и блр. материал представляет трудности. Так, во-первых, нуждается в дополнительном объяснении такая черта, как наличие *-е-* в укр., блр. форме суффикса, при сербохорв.-словен. *-о-* (старый вариант *-etja?* ассимилятивное смягчение *-otja* > *-etja* в укр.-блр. перед последующей мягкостью, ср. русск. *ребёнок* < *робенок?*). Во-вторых, недостаточно ясны отношения между блр. и укр. материалом: возможно, в отдельных примерах мы имеем дело с вторичным проникновением укр. слов в блр. Интересно упомянуть — в связи с вопросом о территории *-otja* в вост.-слав. — об одном речном названии бассейна Днепра — *Унеча*, в соврем. Брянск. обл., в укр.-блр.-в.-русск. пограничной полосе. Гидроним *Унеча* производит впечатление весьма старого названия вост.-слав. происхождения и допускает объяснение из первонач. **junetja*/**junotja*/**junota* 'молодость, юность', с воз-

можным развитием собир. или индивидуализирующего оттенка значения.

***mězgyrь / *mazgarь:** русск. диал. *мизгѝрь* 'паук, тарантул', *мáзгарь* то же (Даль[2] II, 289, 325), укр. *мизгѝрь* м. 'тарантул' (Гринч. II, 422).

Узко диалектное **mězgyrь*, **mazgarь*, неизвестное другим славянским языкам, а также знач. части вост.-слав. диалектов, может быть, однако, правдоподобно объяснено как исконное, праславянское слово глубокой древности. Довольно четко выделяются суффиксальные *угь*, *-агь* и корень **mězg-* / **mazg-*, родственный лит. *mezgù*, *mègsti* 'плести', *mãzgas* 'узел', др.-в.-нем. *masca* 'петля', др.-исл. *mǫskvi* то же (см. Berneker II, 28, Vasmer II, 87, 133, где и остальная литература).

***morьskъjь:** ст.-слав. морьскъ (Sadnik—Aitzetmüller 57, Miklosich Lex. 381), болг. *мóрски* 'морской' (Речн. на съврем. бълг. книж. ез. II, 102, Геров III, 82), макед.

морски (Речн. на мак. j. 1, 423), сербохорв. *мо̀рскӣ* 'marinus' (Rječn. VII, 14), словен. *mórski* 'морской' (Pleteršn. I, 603), чеш. *mořský*, др.-чеш. *mořský*, *morský* (Geb. II, 400), слвц. *morský* (Slovn. slov. j. II, 179), польск. *morski*, стар. *morzski* (Warsz. II, 1043, Cnapius I, 425), в.-луж. *mórski* (Pfuhl 379), н.-луж. *mórski* (Muka Sł. I, 932), др.-русск. *морьскыи* (Срезн. II, 176), русск. *морско́й*, укр. *морський* 'морской' (Гринч. II, 446), блр. *марскі́*.

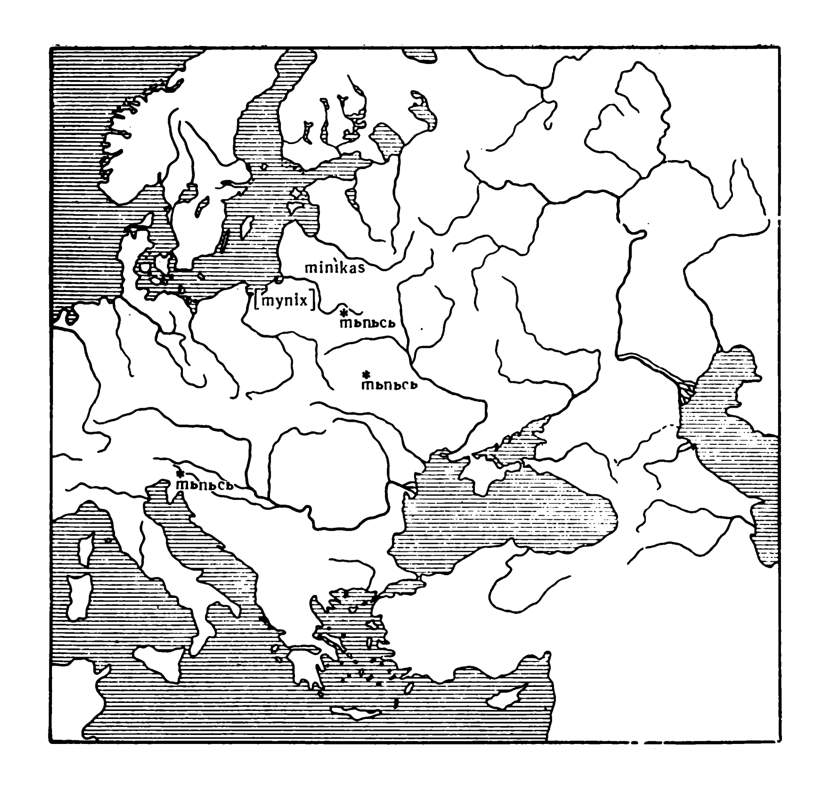
Праслав. **morьskъ(jь)*, стоящее в непосредственной связи с праслав. **moŕe* (см.), имеет любопытные словообразовательно-лексические (полные) соответствия в герм. языках, напр. герм. **mariskō* (ж. р.), откуда сев.-нем. *Marsch* ж. 'низменность', др.-сакс. *mersk*, ср.-н.-нем, *marsch*, ср.-нидерл. *maersche* 'пастбище, выгон, особенно на берегу', англосакс. *mer(i)sc* 'болото', сюда же норв. *merski* 'земля, страна', первонач. — 'прибрежная страна' (см. о герм. словах Kluge[18] 463, специально — Nehring, Idg. **mari*, **mori*. — 'Festschrift F. R. Schröder', 1959, 131). Т. обр., праслав. и герм. языки представляют общее именное производное от и.-е. **mari*, а именно и.-е. диал. **marisko-s*, **mari*, *skā* (ж.). Иное адъективно-субстантивное производное от того же имени представлено в галл. *Mori-nī*, лат. *marīnus* 'морской' — и.-е. диал. **marino-s* (см. о последнем слове Walde-Hofm. II, 38).

Особое значение слвц. *morské oko* 'небольшое глубокое озеро в горах' специально анализировал Исаченко (Сб. Младенов 313 и след.).

***mьnьcь:** словен. *menèc*, род. *-nca* 'der Hirsetreter, der Ölschläger' (Pleteršn. I, 569), укр. *мнець*, род. *мнеця́* 'кожемяка' (Гринч. II, 436), блр. *мнец* 'работник, мнущий искусно лен или пеньку; мяльщик' (Носов. 286).

Праслав. **mьnьcь* представляет собой древний лексический диалектизм, известный гл. обр. из белорусского и украинского языка и, насколько можно судить, отсутствующий в великорусском (Даль дает *мяльщик* в этом значении). За пределами этого ареала слово известно еще словенскому и образует т. обр. любопытную блр.-укр.-словен. словообразовательно-лексическую изоглоссу.

Праслав. диал. **mьnьcь* имеет полное соответствие в др.-прусск. *mynix* 'дубильщик, кожевник' (Trautmann Apr. Sprd. 2, 379), лит. *miñikas* 'wer auf etwas herum-

tritt', *linų minìkas* 'мяльщик льна', *ódų minìkas* 'кожевник, дубильщик' (Niedermann II, 95, см. Trautmann BSW 185 с грубыми опечатками).

***nabl'udati, *nabl'usti**: русск.-цслав. **наблюсти, наблюдж** 'custodire' (Miklosich Lex. 398, из П. Берынды), др.-русск. *наблюдати* 'τηρεῖν, observare' (XI в., Срезн. II, 266).

Трудное слово, слабо засвидетельствованное гл. обр. в цслав. памятниках, диал. принадлежность его неясна. В соврем. русск. языке *наблюдать* — исключительно книжный элемент. Подавляющему большинству слав. языков вообще неизвестно. Хотя приспособление для передачи соответствующего слова греч. оригинала трудно в принципе отрицать, тем не менее о (словообразовательной) кальке пока едва ли можно говорить. Если это не акт личного словотворчества, то целесообразно обратить

внимание на словообразовательно-морфемный параллелизм праслав. (?) **na-bl'udati* и гот. *ana-biudan* 'διατάσσειν, παραγγέλλειν, повелевать' (см. дальнейшие, герм. связи последнего: Feist[3] 41).

***naditi**: сербохорв. *на̏дити* 'наваривать сталь' (Караджж. 399, Rječn. VII, 273), словен. *náditi* 'накладывать одно на другое' (Pleteršn. I, 631), русск. диал. *на́дить* (соху) 'точить лемех, сошник' (Даль[2] II, 401), укр. *на́дити* 'привлекать, приманивать; ловить удочкой рыбу' (Гринч. II, 482, Укр.-русск. II, 587), блр. *на́дзиць* 'манить, привлекать надеждою' (Носов. 305).

Праслав. диал. **naditi* охватывает только часть слав. языковой территории, а именно сербохорв. и словен. — на юге и целиком вост.-слав. языки. Другим слав. языкам неизвестно. Несмотря на развитие двух, примерно основных, довольно различных значений (южн. 'накладывать [напр. слой стали и т. п.]' — довольно близко указанное выше сев.-в.-р. 'точить'; только блр.-укр. 'манить, ловить на приманку'), предположение об их развитии из единого вполне естественно, особенно если учесть ясную этимологию слова: праслав. **naditi* анализируется как **na-diti*, ср. **na* (см.), предл.-приставка, вторая часть содержит продолжение и.-е. **dh(ē)-* 'класть, помещать' (см. Vasmer II, 194 (без блр., словен. и сербохорв. соответствий). Праслав. **naditi* имеет хороший параллелизм в лит. *nuõdyti* 'отравлять', имеющем тождественную структуру и связи.

***nokt'evati**: цслав. **ноштєвати, ноштоуѭ** 'pernoctare' (Miklosich Lex. 455), болг. *нощу́вам* 'ночевать' (Геров III, 283, Речн. на съврем. бълг. книж. ез. II, 285), макед. *ноќева* 'noćiti, noćivati' (Речн. на мак. j. I, 509), сербохорв. *ноћи́вати* (Rječn. VIII, 218), словен. *nočeváti* (Pleteršn. I, 713), чеш. *nocovati* (Jungm. II, 730), слвц. *nocovať* (Slovn. slov. j. II, 386), польск. *nocować* (Cnapius I, 549, Warsz. III, 401), в.-луж. *nocować* (Pfuhl 434), др.-русск. *ночевати*, *ночую* (Срезн. II, 470), русск. *ночева́ть*, укр. *ночува́ти* 'ночевать' (Гринч. II, 571, Укр.-русск. II, 764), блр. *начава́ць* 'ночевать'.

Праслав. **nokťevati*, **nokťują*, родственное **nokťь* (см.), связано с последним словом отнюдь не непосредственной связью, точнее говоря, будет ошибкой в плане относительной хронологии производить **nokťevati* прямо от праслав. **nokťь*. Обращает на себя внимание четкое раз-

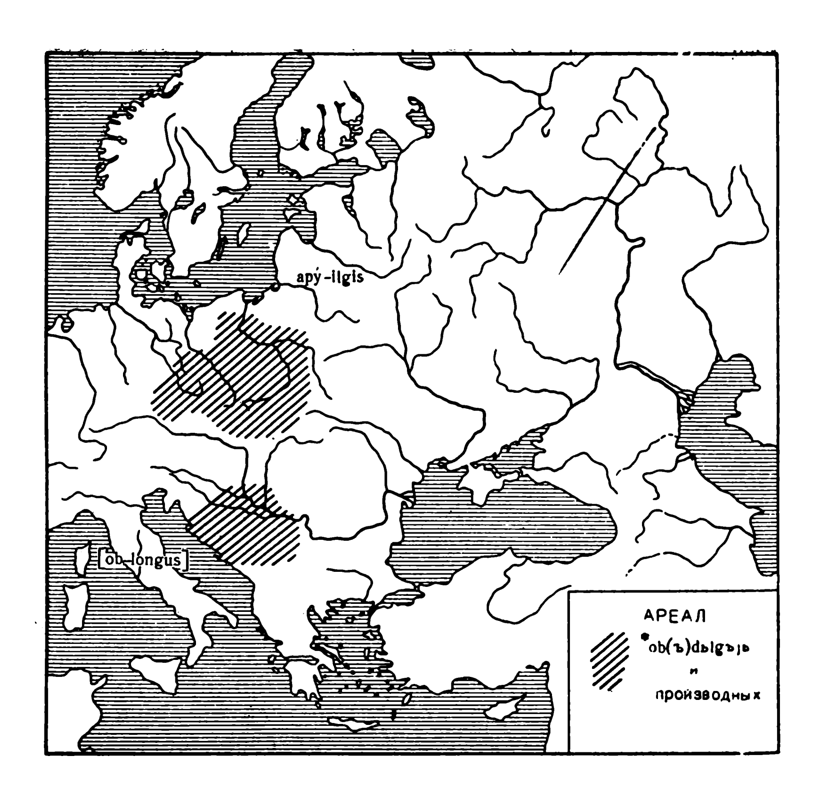
личие основ **nokiev-* и **nokĭĭ-*. Это различие не есть праслав. инновация; каждая основа восходит к соответствующей более древней и.-е. форме и имеет надежные собственные соответствия. Что касается праслав. **nokíevati*, то оно имеет полное исконнородственное соответствие в лит. *nakvóti* 'ночевать' (см. Niedermann II, 117, далее о лит. слове см. Skardžius Liet. kalb. ž. dar. 242, Fraenkel LEW, Lief. 7, 481), по-видимому, из **naktv-oti*. Дальнейшие свидетельства основы на *-u* **noktu-* имеем в лат. *noctū* 'ночью', откуда *noctua* 'сова' и др. (см. подробнее Walde-Hofm. II, 172, 183, без слав. соответствий; Pokorny I, 762—763).

***nokíьnъjь**: ст.-слав. **ноштьнъ** (Sadnik—Aitzetmüller 70, Miklosich Lex. 456), болг. *нощен*, *нощни* (Геров III, 283, Речн. на съврем. бълг. книж. ез. II, 285), макед. *ноќен* 'noćni' (Речн. на мак. ј. 1, 509), сербохорв. *нòħнӣ* 'nocturnus' (Rječn. VIII, 218), словен. *nóčen* (Pleteršn. I, 713), чеш. *noční* 'ночной' (Jungm. II, 730), слвц. *nočný* (Slovn. slov. j. II, 386), польск. *nocny* (Cnapius I, 549, Warsz. III, 401), в.-луж. *nócny* (Pfuhl 434), др.-русск. *ночьныи* (Срезн. II, 470), русск. *ночнóй*, укр. *нíчний* (Гринч. II, 568, Укр.-русск. II, 757), блр. *начны́* 'ночной'.

Праслав. **nokíьnъ(jь)*, являющееся прил-ым по отношению к праслав. **nokíь*, при всей интимности этой связи (*i*-основа, общая для обоих слов), обладает собственным полным соответствием за пределами слав. языков, ср. лит. *naktìnis* 'ночной', с идентичным словообразовательным формантом.

***ob nokt'ь**: ст.-слав. **об ноштъ** 'ночью', сербохорв. *ȍбнōħ*, *об ноħ* 'ночью' (Rječn. VIII, 292, 414), чеш. *ob noc* 'ночью' (Jungm. II, 747), н.-луж. *hob noc* 'ночь напролет' Muka Sł. I, 356), русск.-цслав. *об(ъ) нощь* 'ночью, всю ночь' (Срезн. II, 470), блр. *обнóчь* 'через целую ночь', 'в течение ночи' (Носов. 350), *обы́ночь* 'в течение ночи; каждую ночь' (там же, 356).

На основе этих широко распространенных в слав. языках наречий и адвербиализованных сочетаний с указанным временным знач. восстанавливается групповая лексема праслав. **ob nokíь*. Формы **obъ nokíь*, **obynokíь*, которые можно было бы условно проецировать в праслав. период, имеют больше шансов расцениваться как вторичные, с поздними местными редуцированными и их прояснениями в полные гласные, т. е. последние две

формы имеют в отнесении к праслав. периоду скорее только ценность как факты воспроизводства старой словообразовательной модели в более поздних условиях (см. суждение Вайяна о вставке гласного в таких случаях: Vaillant. Gramm. comp. II, 2, 594). Предл. *ob (см.) выступает также в иных древних сочетаниях со значением времени. О праслав. *noktь см. s. v.

Полезно обратить внимание на параллелизм лит. *apý-naktis* 'поздний вечер, ночь' (Dab. liet. k. žod. 25).

***ob(ъ)dьlgъjь**: сербохорв. *ȍдуг* прил. 'подоста дуг, oblongus' (Riječn. VIII, 692), чеш. *obdlouhý*, *obdloužný* 'продолговатый, oblongus' (Jungm. II, 753), слвц. *obdĺžny* 'продолговатый' (Slovn. slov. j. II, 408), н.-луж. *hobdłujki* 'продолговатый' (Muka Sł. I, 360), в.-луж. *wobdołž* 'продолговатый' (Pfuhl 807), польск. (стар.), *obdłużny* 'продолговатый' (Warsz. III, 446).

Праслав. *obdьlgъjь / *obъdьlgъjь / *obъdьlžьnъjь представлено на значительной части слав. территории и может — хотя бы в части своих вариантов — восходить к древности, хотя возможность местных новообразований в этом духе не исключена. Тем не менее, если даже отнести отдельные приведенные выше формы (напр. *obъ. . .) к числу новообразований, следует иметь в виду, что и эти новые реализации отдельных языков могут оказаться в сущности воспроизводством старой словообразовательной модели в новых условиях. Ср. аналогичные *ob(ъ)pьlnъjь (см.) и т. п. (См. некоторый материал: Miklosich Vgl. Stammb. 359).

Ареалом *ob(ъ)dьlgъjь, кажется, не охвачен вост.-слав.

Полные параллели укажем в лат. *oblongus* 'продолговатый' (*ob-dlongos), лит. *apý-ilgis* то же.

***obgorditi**: ст.-слав. **оградити** 'окружить, обгородить' (Sadnik—Aitzemüller 75, Miklosich Lex. 490), болг. *оградя́*, *огра́ждам* 'обгородить, огораживать' (Речн. на съврем. бълг. книж. ез. II, 333, Геров III, 332), сербохорв. *огра̏дити* 'saepire, circumdare' (с XIV в., Rječn. VIII, 768), словен. *ogradíti* 'оградить, обнести забором' (Pleteršn. I, 803), чеш. *ohraditi* 'огораживать, обгородить' (Jungm. II, 898), слвц. *ohradit'* 'обгородить, обнести забором' (Slovn. slov. j. II. 534), н.-луж. *hobgroźiś* 'umflechten, mit einem geflochtenen Zaune umgeben' (Muka Sł. I, 335), в.-луж. *wohrodźić* 'umzäunen, verzäunen' (Pfuhl 829), польск. *ogrodzić* (Warsz. III, 719), др.-русск. *огородити*, *огорожу* 'окружить забором, стеною' (Срезн. II, 606) русск. *обгороди́ть*, укр. *огороди́ти* (Гринч. III, 37), блр. *агарадзі́ць*, *абгарадзі́ць*.

Праслав. *obgorditi (вариант *obъgorditi представляется более поздним воспроизводством той же словообразовательной модели и его отнесение к праслав. периоду кажется несколько проблематичным) связано четкой связью с *gorditi, *gordъ (см.). Тем не менее, поучительна словообразовательно-лексемная параллель гот. *bi-gaírdan* 'опоясывать' (о кот. см. Feist[3] 90) хотя бы с той точки зрения, что она указывает на возможную древность и дослав. истоки сочетания *ob-gorditi в праслав.

О связях гот. *bi-* и праслав. *ob- см. на *ob.

***obyd(ъ)va / *oba d(ъ)va**: сербохорв. *ȍбадва̑, ȍбадвиjе* (с XV в., Rječn. VIII, 299 и след.), словен. *abadvâ, obadvê* 'оба, обе' (Pleteršn. I, 721), чеш. *obadva, obědvě* (Jungm. II, 747), слвц. *obidva, obidve* (Slovn. slov. j. II, 404), польск. *obadwa, obydwa, obiedwie, obydwie* (Warsz. III, 433; Cnapius I, 556: *obadwa*), др.-русск. *оба два* (Жал. грам. 1388 г., Срезн. II, 495), укр. *обúдва, обúдві* 'оба, обе' (Гринч. III, 9), блр. *абóдва* 'оба'.

Названные сложные формы известны на большой части слав. территории и, по-видимому, являются достаточно ранним образованием. Исключение представляют болг. язык и великорусская языковая территория, в том и другом случае — периферийные районы, где данное сочетание неизвестно. Праслав. **oba dъva / oby dъva* (причины различий в конце первого компонента при допущении общего исходного **a[m]bhō du̯ō* недостаточно ясны, быть может, это результат разной степени примыкания обоих компонентов и, следовательно, различие в трактовке *-ō-* в зависимости от позиции в конце слова или в середине сложного слова?), связанное этимологически с **oba* (см.) и **dъva* (см.), имеет целый ряд соответствий за пределами славянского, которые в известной своей части можно расценивать как проявление типологического параллелизма в тенденции усилить выражение 'два': лит. *abùdu, abìdvi* 'оба, обе' (Niedermann I, 2), лтш. *abadui, abidivi* (Mūlenb.-Endz. I, 5—6), ит. *ambedue*, рум. *amândoi* др.-англ. *bā twā, bū tū*, ср.-англ. *baþe*, англ. *both* 'оба', др.-в.-нем. *beide* (См. специально Vaillant. Gramm. comp. II, 2, 623—624). — Сближение с герм. фактами нуждается еще в дополнительной проверке, ср. указание о первоначальном отсутствии зубного согласного в герм. слове (см. Kluge[18] 61). Дальнейшую аналогию праслав. **oba dъva* можно указать в гот. *wit* дв. 'мы (оба)' **u̯e-du̯o*, ср. лит. *vèdu* 'мы (двое, оба)' (ср. Feist[3] 568—569).

Блр. и укр. формы вызывают некоторое подозрение в заимствовании из польск.

***ǫzina**: сербск.-цслав. ѫзина 'angustiae' (Miklosich Lex. 1164), сербохорв. *у̏зина* 'die Enge, angustiae' (Караджж. 799), *у̏жина* то же (там же, 796), чеш. *úžina, oužina* 'ein enger Ort, eine Enge' (Jungm. I, 53, s. v. *aužina*), польск. *wężyna* (Warsz. VII, 530), русск. *узинá* 'качество узкого; узкая полоса' (Даль[2] IV, 479).

Праслав. **ǫzīna*, родственное праслав. **ǫzъkъ* (см.) и постоянно соотносимое с ним и его продолжениями в отдельных слав. языках, имеет полное собственное соответствие в лат. *angīna* 'ангина, жаба', первонач. — 'стесненность, сдавленность' (см. об этом еще Fick[3] I, 481. О лат. слове см. Walde[2] 41, Ernout-Meillet I, 58).

***palětъkъ / *polětъkъ?**: сербохорв. *па̏љетак* 'остаток на поле после сбора урожая' (Rječn. IX, 595, Караджж. 501—505).

Это довольно изолированное среди остальной славянской лексики слово (неясно, в частности, можем ли мы сюда отнести также блр. *палéтак* 'клин земли, часть поля под озимыми, яровыми и т. п.' — к праслав. диал. **palětъkъ* / **polětъkъ*? — или блр. слово имеет иные связи) получило в свое время правдоподобную этимологию Миклошича — к корню **lik-* 'оставлять', т. е. **palětъkъ*: прич. прош. страд. **lěktъ* (см. Miklosich Vgl. Stammb. 498).

***pergorditi**: ст.-слав. **прѣградити** 'περικλείειν, circumcludere' (Супр., Sadnik—Aitzetmüller 99, Miklosich Lex. 721), болг. *прегра́дя* 'перегородить, огородить' (Геров, Речн. на съврем. бълг. книж. ез. II, 736), сербохорв. *прегра́дити* 'überschlagen, verschlagen, assibus separo' (Караджж. 587), словен. *pregradíti* '(mittels einer Scheidewand) abteilen' (Pleteršn. II, 234), чеш. *přehraditi* 'перегородить, отделить' (Jungm. III, 485), слвц. *prehradiť* 'преградить' (Исаченко II, 149), в.-луж. *přehrodźić* 'Zaun oder Schranken hindurchziehen, abfachen' (Pfuhl 526), н.-луж. *pśegrožiś* 'переплести, обнести забором' (Muka I, 335—336), польск. *przegrodzić* 'przedzielić przegrodą, oddzielić' (Linde IV, 1091, Warsz. V, 90), др.-русск. *перегородити* 'поставить забор, загородку поперек чего-нибудь' (Срезн. II, 902), русск. *перегороди́ть*, укр. *перегороди́ти* 'перегородить' (Гринч. III, 114), блр. *перагарадзíць* то же.

Обращает на себя внимание словообразовательно-морфемное тождество праслав. **pergorditi* и, напр., ср.-перс. *par-gārdan* 'проводить кругом борозду, огораживать'. Дальнейшие этимологические связи см. на **gorditi*, **gordъ*.

***perstati**: ст.-слав. **прѣстати** 'κοπάζειν, cessare, διαλείπειν' (Sadn.—Aitz. 101, Mikl. Lex. 745), болг. *преста́на* 'спирам да правя нещо' (Речн. на съврем. бълг. книж. ез. II, 801), сербохорв. *пре̏стати*, *престанем* 'aufhören, de-

sino' (Караджж. 599), словен. *prestáti* 'aufhören' (Pleteršn. II, 276), чеш. *přestati* 'перестать, прекратить' (Jungm. III, 517), слвц. *prestať* 'перестать, оставить, кончиться' (Isačenko II, 166), в.-луж. *přestać* 'aufhören' (Pfuhl 538), н.-луж. *pśestaś* 'перестать' (Muka Sł. II, 522), польск. *przestać* 'прекратить, перестать' (Warsz. V, 197—198, Linde IV, 1143), др.-русск. *перестати* 'прекратиться, отстать, прекратить' (Срезн. II, 915), русск. *перестáть*, укр. *перестáти* 'перестать, становиться на дороге' (Гринч. III, 138), блр. *перастáць* 'перестать'.

Функциональную характеристику приставки в ст.-слав. **прѣстати** (см.: Słoński. Funkcje prefiksów werbalnych. 189).

Ср. аналогичное сочетание морфем в лат. *per-sto*, *per-stāre* 'твердо стоять, оставаться на месте, продолжаться'. Подробные этимологические связи даются под **stati* (см.).

***pervezti**: ст.-слав. **прѣвести**, **прѣвезѫ** 'transvehere, (Sadnik—Aitzetmüller 102, Miklosich Lex. 719), болг. *превóзя* 'перевезти' (Речн. на съврем. бълг. книж. ез. II, 752), сербохорв. *прѐвести*, *прѐвезе̑м* 'überführen, trajicio' (Караджж. 585), словен. *prevésti*, *prevézem* 'hinüberfahren, überführen' (Pleteršn. II, 288), чеш. *převézti* 'перевезти' (Jungm. III, 532), слвц. *previezť* 'перевезти' (Isačenko II, 174), в.-луж. *přewjezć* 'durchfahren, hinüberfahren, vorüberfahren, vorbeifahren' (Pfuhl 542), польск. *przewieźć* 'перевезти, провезти' (Warsz V, 236, Linde IV, 1160), др.-русск. *перевезти* (Срезн. II, 897), русск. *перевезти́*- укр. *перевезти́* (Гринч. III, 111), блр. *перавéзці* 'перевезти'.

Характеристику функции приставки в ст.-слав. **прѣвести** (см.: Słoński. Funkcje prefiksów werbalnych 192).

Ср. лат. *per-veho*, *per-vec-tum*, *per-vehĕre* 'провозить, перевозить', параллелизм которого с праслав. **per-vezti* (аналогичное сочетание этимологически родственных морфем) очевиден. Подробные дальнейшие этимологические связи даются под праслав. **vezti* (см.). Инновационный характер носила экспансия праслав. **pervezti* за счет **provezti* (см.) и в значениях последнего гл. обр. в лехитских языках и в слвц. Надо думать, что праслав. **pervezti* — **provezti* различались достаточно четко вначале. Ср. аналогичную пару в лат. *per-veho* (*per-vectum*) — *pro-veho*.

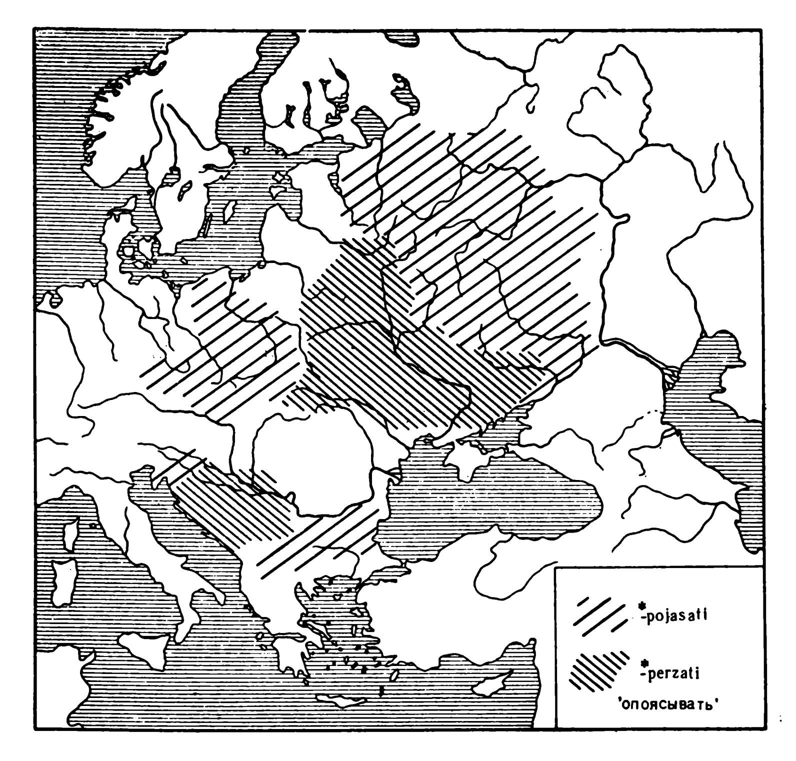
***pervortiti**: ст.-слав. **прѣкратити** 'отвернуть, превратить, сделать' (Sadnik—Aitzetmüller 102, Miklosich Lex. 719), болг. *превръщам* 'превращать; перевертывать, переделывать; подтасовывать' (Речн. на съврем. бълг. книж. ез. II, 753, Бернштейн[2] 584), сербохорв. *превра́тити* 'umkehren, inverto' (Караджич. 586), словен. *prevráčati* 'umkehren, umwerfen, umreissen; verkehren, verdrehen' (Pleteršn. II, 291), чеш. *převrátiti* 'obrátit vzhůru, překotit; úplně změniti' (Trávn.[4] 1668, Jungm. III, 534), слвц. *prevrátit'* 'перевернуть, опрокинуть' (Исаченко II, 175), в.-луж. *přewróćić* 'umstürzen, verkehren' (Pfuhl 542), н.-луж. *pśewrośiś* 'перекрутить, оборачивать, перекидывать, передвигать' (Muka II, 977), польск. *przewrócić* 'перевернуть, опрокинуть; исказить' (Warsz V, 243—244, Linde IV, 1164), русск. *переворотить*.

Ср. лат. *perverto*, *pervertere* 'опрокидывать, извращать, портить', гот. *frawardjan* φθείρειν 'портить', др.-в.-нем. *farwarttan*, *far-werten* 'violare, corrumpere', затем неперех. др.-англ. *for-weorþan*, др.-сакс. *far-werđan*, др.-в.-нем. *farwerdan* 'пропадать, портиться' (см. о герм. словах Feist[3] 166). Несомненно, что перед нами важный словообразовательный, а гл. обр. — семантический параллелизм.

Дальнейшие этимологические связи приводятся под **vьrtěti* (см.).

***perzati**: сербохорв. *запре́зати*, *за̏пре̑же̑м* 'gürten, vorschürzen, praecingo' (Караджич. 199), укр. *(під)переза́ти(ся)*, *опереза́ти* 'опоясать, подпоясать' (Гринч. III, 56, 175), блр. *(пад)пераза́ць*, *(а)пераза́ць* то же.

Праслав. диал. **perzati*, реконструируемое только на основе сербохорв., укр. и блр. данных, производит впечатление достаточно старого гл. образования на основе праслав. **perzъ* (сущ. м. р.?) или предл. **perz* (см.) (см. уже Miklosich 244). Яркая сербохорв.-укр.-блр. изоглосса, с характером новообразования. Теоретически при формировании гл. **perzati* допустимо влияние праслав. *(ob)pojasati* (см.), которое, между прочим, на укр. и блр. территориях как будто не представлено, что уже само по себе интересно. Исходная для праслав. диал. **perzati* (субстантивированная?) предл.-нареч. форма **perz(ъ)* представлена в укр. и блр. крайне слабо сравнительно с повсеместным характером продолжения **perzati* в этих языках, что любопытно отметить как

пример несоразмерности удельного веса возможной исходной базы и деривата. — Важная исключительная сербохорв.-укр.-блр. лексическая изоглосса значительного возраста. Что касается проблематичного незасвидетельствованного имени праслав. **perzъ* 'пояс', то в качестве примера соотносимости знач. 'через' и 'пояс' можно указать праслав. **čersъ* / **čerzъ* (см.): русск. *через*, польск. *trzos* 'пояс (для денег)'.

Серьезную помеху для настоящей этимологии представляет наличие таких сербохорв. форм как *запрéзати*, *зȁпрēжēм* 'запрягать' (Вук Караджж. этого значения не дает!), далее — сюда же *запрȇħи*, *запрéгнути* 'запрячь'. Однако можно думать, что здесь осуществилась в ходе сербохорв. фонетической эволюции контаминация самостоятельных праслав. **(za)perzati* и **za-pręgati* (см.).

***pitьnъjь**, ***pitьnaja**: словен. *pîten* 'trinkbar' (Pleteršn. II, 44), чеш. *pitná (voda)* 'питьевая (вода)', (Příruční slovn.

IV, 270, Jungm. III, 93), слвц. *pitný* 'питьевой' (Isačenko II, 30), польск. *pitny*, напр. *miód pitny* (Warsz. IV, 212; Linde IV, 718: только *pity*), блр. *пітная* (*вада̀*) то же.

Праслав. (диал.) **pitьnъjь*, прослеживаемое таким образом, представляет собой словообразовательную изоглоссу ограниченного распространения; образовано с адъективным праслав. суф. *-*ino*- от основы инфинитива *piti* (см.). Первонач. герундивного знач. — 'то, что надлежит пить', ср. образование лит. *im̃tinas* 'то, что нужно взять' (см. еще Miklosich Vgl. Stammb. 148). Возможно, сюда же адъективный греч. суф. -σιμος < -*timos*: слав. и балт. -*tinos*. Ср. еще праслав. **pitьjь* (см.), реконструирумое на основе ст.-слав. **питии**.

***plytъkъjь**: сербск.-цслав. *плытъкъ* 'tenuis, мелкий' (Miklosich Lex. 577), болг. *плитък* 'мелкий, неглубокий' (Речн. на съврем. бълг. книж. ез. II, 511, сербохорв. *пли̏так* 'seicht, tenuis, non profundus' (Караджж. 524), словен. *plítek* 'seicht' (Pleteršn. II, 61), чеш. *plytký* 'mělký, nehluboký' (Příruční slov. IV, 352), слвц. *plytký* 'мелкий' (Isačenko II, 40), польск. *płytki* 'мелкий' (Linde IV, 751, Warsz. IV, 271).

Праслав. диал. **plytъkъjь* (неизвестно вост.-слав. языкам), возможно, образовано от праслав. **plytъ*, супин, основа на -*й*, к которой было присоединено адъективизирующее -*ko*-. Далее см. **plyti*. (Несколько иначе см. Brückner 422). См. еще Miklosich 253).

***poznati**: ст.-слав. **познати** 'узнать' (Sadnik — Aitzetmüller 96, Miklosich 606), болг. *позна̀вам*, *позна̀я* 'знать, понимать, узнавать' (Речн. на съврем. бълг. книж. ез. II, 598), сербохорв. *по̏знати* 'узнать, познать' (Rječn. XI, 317 и след., Караджж. 544), словен. *poznáti* несврш. 'знать' (Pleteršn. II, 204), чеш. *poznati* 'узнать, заметить' (Jungm. III, 413), слвц. *poznat'* 'знать, быть знакомым', 'узнать' (Исаченко II, 120), н.-луж. *póznaś* 'знакомиться, узнавать' (Muka II, 1105), в.-луж. *póznać* 'erkennen' (Pfuhl 510), польск. *poznać* 'узнать, разгадать, понять, заметить' (Warsz. IV, 915 — 916), др.-русск. *познати* 'узнать, познать, почувствовать' (Срезн. II, 1088), русск. *позна́ть* 'узнать, познакомиться' (Даль[2] III, 232), укр. *пізна́ти* 'узнать' (Гринч. III, 185), блр. *пазна̀ць* 'узнать'.

Образованное от основы **znati* (см.) с помощью приставки *po*-, **poznati* является очень старым элементом праслав. словаря. Можно думать, что данная словооб-

разовательная модель уходит корнями еще в дослав. эпоху. Характерно наличие до сих пор у продолжений *poznati в отдельных слав. языках четких следов древнего невидообразующего употребления *po-* (см. об аналогичных фактах и их относительной хронологии Terras ZfslPh XXIX, 1961, 314). В этой связи важен параллелизм др.-прусск. *posinnat* 'bekennen' (Trautm. Apr. 406), особенно — лит. *pažìnti* 'знать, быть знакомым' (Niedermann II, 723).

***prodati**: ст.-слав. **продати** 'πωλεῖν, πιπράσκειν, vendere' (Клоц., Супр., Miklosich Lex. 694), болг. *прода́м*, *прода́вам* (Речн. на съврем. бълг. книж. ез. II, 862, Геров IV, 300), сербохорв. *про̏дати* 'verkaufen, vendo' (Караdж. 623), словен. *prodàti* 'verkaufen, verraten' (Pleteršn. II, 347), чеш. *prodati* 'odevzdati, dáti výměnou za peníze, učiniti prodej' (Příruční slovn. IV, 1083), др.-русск. *продати* 'отдать за деньги, продать' (Срезн. II, 1521—1523), русск. *прода̀ть*, укр. *прода́ти* 'продать' (Гринч. III, 463), блр. *прада́ць* 'продать'.

Слонский видит здесь (ст.-слав. **продати**) появление нового значения у сложения гл. основы **дати** с приставкой (см. Słoński, Funkcje prefiksów werbalnych 196).

Следует отметить близкую селективную характеристику сочетания морфем у праслав. **pro-dati* и др.-инд. *pra-dā-* 'отдавать, передавать, выдавать замуж' (см. о последнем слове Monier Williams 630, Mayrhofer). Дальнейшие этимологические связи приводятся на **dati* (см.).

С точки зрения географического распространения форм, а также в интересах внутренней реконструкции первонач. состояния словаря важно отметить, что, как и во многих других случаях, четкое различение праслав. **prodati* и **perdati* (см.) сохранилось не на всей слав. территории, оно утрачено, напр., в лехит. языках, где функции праслав. **prodati* перешли к **perdati* (польск. *przedać*, а также в.-луж. *předać*, н.-луж. *pśedaś* — все со знач. 'продать', которое здесь никак не может считаться первичным, праслав. значением, ср. отмечаемые еще для ст.-польского языка значения 'предаться в чьи-либо руки, сдаться' (Linde IV, 1079). Перед нами инновация, осуществившаяся на части слав. территории, видимо, уже после конца праслав. периода. По своему характеру это типично лехит. инновация, захватившая вторично также

слвц. язык, где имеем *predať* 'продать' — чеш. *prodati* то же.

***pьrvěst(ь)nъjь**: цслав. **пръвѣснъ** 'primogenitus' (Miklosich Lex. 715), русск.-цслав. *пьрвѣсныи* 'первородный' (Срезн. II, 1770), укр. *первісний* 'первоначальный' (Гринч. III, 107).

Праслав. форма **pьrvěst(ь)nъjь*, которую мы реконструируем в этом виде вслед за Вайяном (Vaillant, — RES 37, 1960, 157), имела в этом адъективном оформлении — несколько иной ареал, чем тот, который указывает названный ученый, ограничиваясь цслав. материалом. С того момента, как мы идентифицируем праслав. **pьrvěst(ь)nъjь* — цслав. **пръвѣснъ** — укр. *первісний*, можно говорить в данном случае о соответствующей изоглоссе или параллелизме. Далее сюда примыкает словен. *prvêsnica* 'женщина, родившая впервые' (Pleteršn. II, 358), польск. стар. *pierwiasnek* 'новичок' (Warsz. IV, 160).

Этот случай, ясный в плане традиционной этимологии (см. праслав. **pьrvъjь*), представляет трудности при конкретной словообразовательной интерпретации. Объяснение, предлагаемое Вайяном (там же), согласно которому **pьrvěst-* представляет собой преобразованный суперлатив на и.-е. **-isto-*, мало вероятно, как и единственный аргумент, на который автор опирается, — слав. **nevěsta* (см.), понимаемое им, вслед за Трубецким, тоже как старый суперлатив, что едва ли может быть принято. Возможно, мы здесь имеем скорее компаратив на **-(i̯)es-*, точнее — типа лит. *-esnja-* (напр. *geresnis* 'лучший'), с аналогическим удлинением *-ē-*, тогда целесообразно реконструировать только праслав. **pьrvěsnъjь*, в общем — в соответствии с цслав. **пръвѣснъ** и др., см. выше. Ср. еще праслав. **pьrvьnъjь* (см.), см. о нем в последнее время Иллич-Свитыч в сб. «Этимология» I (печатается).

Однако больше вероятности имеет в себе, по-видимому, реконструкция праслав. **pьrvěstьnъjь*. Корень **pьrvěst-* известен также в др. частях слав. территории и в иных сочетаниях, ср. прежде всего польск. *pierwiastek* 'начало, зародыш' (Warsz. IV, 160, Cnapius I, 691, там же: pierwiastka krowa, owca 'primipara'). Дальнейшие возможные производные Вайян приводит там же. В нашем случае праслав. **pьrvěstьnъjь* можно было бы

объяснить как прил-ое, производное от абстр. сущ-ного ж. р. **pьrvěstь*, ср. **svěstь* (см.), иными словами — как образование, совершенно аналогичное праслав. **pьrvotьпъјь* (см.) — **pьrvota*, а особенно — русск. *пёрвостный* (Даль[2] II, 30).

Беглое упоминание о ст.-слав. **пръвѣснъ** (см. еще Miklosich Vgl. Stammb. 147).

***rěnь**: др.-русск. *рѣнь* 'отмель, низкий берег [на Днепре]' (Срезн. III, 221, Даль[3] III, 1769 приводит по сути дела тот же самый др.-русск. пример), укр. *рінь* 'крупный песок, гравий' (Гринч. IV, 24).

Праслав. диал. **rěnь* представляет собой типичный древний южнорусизм, неизвестный ни на блр., ни на собственно в.-русск. территориях, как, впрочем, и на остальных славянских. Исконнородственно др.-исл. *rein* 'полоска земли, поросшая травой', шв. *rēn* то же, норв. *rein*, др.-в.-нем. *rein-*, *rain-*, нем. *Rain* 'межа' (герм. **rainō*), др.-ирл. *roen*, ср.-ирл. *raon* 'дорога, пролом', брет. *reūn*, *rūn* 'возвышение' (**roino-*) (см. о нем. и кельт. словах Kluge[17] 579, Vasmer II, 512, там же сводка остальной литературы).

***ružь**: русск. диал. *ружь*, *ружа* 'внешность, образ, вид, облик, лицо, наружная сторона' (Даль[3] III, 1733), отсюда *нару́жу*, *нару́жи*.

Праслав. диал. **ružь* (форму ружа можно считать морфологическим новообразованием) считают исконнородственным лтш. *raũgs* 'глазное яблоко, зрачок', *raũdzît* 'смотреть, наблюдать', греч. ῥουγός·πρόσωπον (Гесихий) (Mülenb.-Endz. III, 485, 487, Zubatý AfslPh XVI, 1894, 408, Vasmer II, 545), где даны также остальные сведения по литературе и этимологии.

***rydlo**: цслав. **рыло** 'ὀρυκτήριον, vanga' (Mikl. Lex. 810), болг. ри́ло 'рыло, морда' (Речн. на съврем. бълг. книж, ез. s. v.), сербохорв. *ри̏ло* 'der Mund, os' (Караджж. 670), словен. *rílo* 'der Rüssel' (Pleteršn. II, 291), др.-русск. *рыло* 'лопата, кирка; морда, рот животного' (Срезн. III, 211), русск. *ры̀ло* 'морда, лицо и рот животных...; подбородок (сиб.)' (Даль[3] III, 1756), укр. *ри́ло* 'рыло, морда' (Гринч. IV, 16), блр. *ры̀ла* 'рыло'. Сюда же, далее, польск. *rydel* 'узкая железная лопата' (Warsz. V, 788, Linde V, 153).

Праслав. **rydlo* (< **rū-tlo-m*) обнаруживает значительный параллелизм структуры с лат. *rutrum* 'заступ,

лопата' (см. подробнее Трубачев «Этимология» I (печатается). Этимологические связи основы см. на *ryti. Польск. формы можно квалифицировать как местное праслав. *rydlь, -i̯o-производное от упомянутого *rydlo.

См., далее, Miklosich 285, Brückner 471, Trautm. BSW. 247, Walde-Hofm. 2, 453, Mülenb.-Endz III, 487 (: лтш. raũklis), Vasmer II, 555—556).

***sedl'an(in)ъ:** ст.-слав. **селꙗнинъ** 'γεωργός, agricola' (Супр.), сербск.-цслав. **селꙗнинъ** 'ἄγροικος, rusticus' (Miklosich Lex. 837), болг. *сèлянин* 'крестьянин' (Речн. на съврем. бълг. книж. ез. III, 188, Геров V, 158), сербохорв. *сељанин* 'деревенский житель' (Караджж. 697), словен. *selján* 'деревенский житель, крестьянин' (Pleteršn. II, 467), др.-русск. *селянинъ* 'житель, сельский житель, земледелец' (Срезн. III, 331), русск. *селяни́н* (Даль² IV, 172), укр. *селяни́н* 'поселянин, крестьянин' (Гринч. IV, 113), блр. *селянíн* 'крестьянин'.

Праслав. **sedl'aninъ/*sedlěninъ* связано с праслав. **sedlo* (см.) и родственными, его словообразовательное оформление также как будто совершенно ясно и носит типично славянский характер. Однако следует обратить внимание на факт полного, лексемного тождества, который может быть, естественно, истолкован, подобно многим случаям этого рода, двояко — как общее наследие или как параллельное независимое развитие. Здесь имеется в виду близость праслав. **sedl'an-* и самоназвания греков Ἕλλην, первонач. название одного племени в Фессалии, < **sedl-ān-* 'насельник, житель', ср. Ἑλλα, название храма Зевса в Додоне, из **sedla*, сюда же лат. *sella* 'сидение, стул' (см. данную этимологию греч. этнонима, без приведения слав. соответствия: Georgiev — «Linguistique balkanique» III, fasc. I, 1961, 18), ср. диал. (лакон.) ἑλλά·καθέδρα (Гесихий). Предположения о неиндоевропейском происхождении названия греков (см. Chantraine. La formation des noms en grec ancien 168, там же материал по словообразованию и дальнейшая литература) представляются все-таки менее убедительными. (См. еще в последнее время Frisk I, 498—499), где специально приводится мнение древних о том, что именно район Додоны был прародиной греков, Ἕλληνες.

В случае правильности высказанного выше наблюдения о параллелизме греч. Ἕλλην и праслав. **sedl'an-(in)ъ* мы получили бы исключительно греко-слав. сло-

вообразовательную изоглоссу (тождественное новообразование в обоих примерах с тем же формантом от одной и той же основы).

Из слав. внутренних взаимоотношений полезно отметить парность праслав. **sedl'aninъ* — **sedl'akъ* (см.), ср. **gor'aninъ* (см.) — **gorakъ* (см.); **pol'aninъ* (см.) — **pol'akъ* (см.). Отношения этой пары **sedl'aninъ* — **sedl'akъ* выразились, напр., у зап. славян в вытеснении (иначе это в данном случае не может быть объяснено) первичного **sedl'aninъ* вторичным **sedl'akъ*.

***sědiba, *sadiba:** польск. *siedziba* 'местопребывание' (Warsz. VI, 100, Linde V, 231), укр. *садиба* 'усадьба' (Гринч. IV, 95), блр. *садзíба* 'усадбище, дом с постройками' (Носов. 571), стар. *садиба* 'селитьба, оседлость' (Горбач. 321).

Праслав. диал. **sědiba*, **sadiba* представляют образования именной словообразовательной модели с суф. *-*ībā*, уникальной в праслав. (ср. Обратный индекс праславянского словарного состава, т. III настоящего словаря: ...-*iba*). Из близкородственных словообразовательных морфем в слав., напротив, популярен суф. -*ьba* < *-*ĭba* с краткостью -*i*-), тогда как -*ībā* абсолютно господствует в балт. Тем не менее, на единственном примере праслав. диал. **sadiba/sědiba* нельзя документировать проникновение из балт. в слав., потому что относящееся сюда лит. *sėdýba* 'sėdynė, pasėstas' (Skardžius Liet. k. žod. dar. 91) само, по-видимому, заим. из слав. (польск. или блр.). Ср. отношение укр. *садйба*: русск. усадьба (Miklosich Vgl. Stammb. 215).

***sětelь:** цслав. **сѣтель** 'seminator' (Miklosich Lex. 974).

Праслав. диал. **sětelь*, которое можно с полным правом реконструировать, сняв глаг. тематизацию *sě-ja-telь*, обладает чертами параллелизма с тождественным семантически лат. *sā-tor* 'сеятель'. О дальнейших этимологических связях и вокализме основы говорится под праслав. **sěti*, **sěję* (см.).

*** si nokt'i:** сербск.-цслав. **си нощти, сь нощти** (Miklosich Lex. 969), болг. *снóщи* 'вчера вечером' (Речн. на съврем. бълг. книж. ез. III, 259, Геров V, 214—215), макед. *сйнок'а*, *сйнека*, сербохорв. *сйноћ* 'јучер у вечерње доба' (Rječn. XV, 29—30), словен. *snóči* 'вчера вечером, вчера ночью' (Pleteršn. II, 526), др.-русск. *сы-*

ночи (Miklosich, там же), русск. диал. *сéночи*, укр. *знóчі* 'вчера вечером' (Гринч. II, 176).

Праслав. **si nokt'i* представляет собой старое устойчивое сочетание, о членах которого см. подробно на **sь* и **nokt'ь*. С точки зрения морфологии, это формы беспредложного мест. ед. Довольно точное полное соответствие этой праслав. групповой лексеме можно указать прежде всего в др.-в.-нем. *hīnaht*, далее — лит. *šiąnakt* 'сегодня ночью' (последнее — первонач. вин. ед.). (См. Vaillant. Gramm. comparée II, 2, 385).

Иной порядок тех же компонентов представлен в праслав. **nokt'ь sь* (см.).

***slimakъ:** чеш. *slimák* 'улитка' (Jungm. IV, 150), слвц. *slimák* 'улитка' (Isačenko II, 333), в.-луж. *slink*, *šlink* то же (Pfuhl 648), польск. *ślimak* то же (Warsz. VI, 729, Linde V, 285), укр. *слимáк* 'улитка' (Гринч. IV, 150), блр. *слімáк* 'улитка, слизень'.

Интересен ареал праслав. диал. **slimakъ*: чеш.-слвц.-польск.-в.-луж. (н.-луж. нет!) -укр.-блр. Гл. обр. зап.-слав. слово большой древности, ср. ниже. «Русск. слимáк» — это миф, проникший во многие этимологические словари из-за некритического включения укр. и блр. слов в собственно великорусские словари (ср. Даль[3] IV, 251: «юж. зап.»).

Ср. полное соответствие в греч. λείμαξ, -ᾱκος 'улитка', о котором (см. специально Boisacq 565, Frisk II, 97, см. еще Miklosich 307, Brückner 531, Machek 454). Важно отметить, что из всего круга соответствий с и.-е. корнем **sleim-/*slein-* 'слизь, слюна' выделяется полное лексико-словообразовательное греч.-праслав. соответствие с общим расширением основы: **sleim-āk(o)*.

***slovakъ:** сербохорв. *славак* 'оцат или квасина, помиjешан и разблажен водом' (Rječn. XV, 457).

Ср. с идентичным расширением, этимологически родственное лат. *clŏāca* 'сточный канал' < и.-е. **k̑lou̯āko-s/*k̑lou̯āką: *k̑leu̯-* 'полоскать, мыть': лат. **cluere* 'purgare', далее с лат. словами сближают греч. κλύζω 'мою, чищу', лит. *šlúoju* 'чищу, мою', Walde[2] 171, Ernout—Meillet I, 128.

***sǫcělьnъjь:** укр. *суцíльний* 'цельный; сплошной; совместный, нераздельный' (Гринч. IV, 233—234), блр. *суцэльны* 'сплошной (сплошь идущий)'.

Можно поставить вопрос о параллелизме и морфемном тождестве праслав. диал. **sǫ-cělьnъ(jь)* и гот. *ga-hails* прил. ὁλόκληρος 'невредимый' (см. последнее в книге: Feist[3] 183), правомочность которого зависит от трактовки гл. обр. отношений праслав. **sъ-*/**sǫ-* и герм. *ga-*. Предложенное сближение и названный более общий вопрос представляются допустимыми, о чэм, кажется, свидетельствуют моменты селективной характеристики соответствующих словообразовательных моделей (преимущественная сочетаемость морфем в слове), ср. праслав. **sъ-borъ* (см.): гот. *ga-baúr* λογία 'сбор, собирание', праслав. **sъ-lika*, **sъ-ličьnъ(jь)* (см.): гот. *ga-leika* σύσσωμος 'одной плоти', *ga-leiks* ὅμοιος 'похожий', из неслав. пар — известное лат. *com-mūnis* 'общий': нем. *ge-mein* (герм. **ga-maina-*) то же. См. далее **cělъjь*.

***sǫpolьnъjь:** блр. *супóльны* 'совокупный', сюда же польск. местн. н. *Sępólno* (в Кашубии).

Праслав. диал. **sǫ-polьnъ(jь)* представляет собой стар. сложение с приименной приставкой *sǫ-* основы праслав. **pol'e* (см.). Ср. аналогичную словообразовательно-семантическую структуру в праслав. **sǫ-medjьnъjь* (см.), **sъ-medjьnъjь* (см.).

***sǫsědъ:** ст.-слав., цслав. **сѫсѣдъ** 'γείτων vicinus' (Sadnik — Aitzetmüller 123, Miklosich Lex. 981), болг. *съсéд* 'сосед' (Геров s. v., Дювернуа 2302), сербохорв. *сӯсед* 'сосед' (Караджич. 750), словен. *sósed* 'der Nachbar' (Pleteršn. II, 538), чеш. *soused* 'сосед' (Jungm. IV, 30), слвц. *sused* 'сосед' (Isačenko II, 415), в.-луж. *susod* 'Mitsass, Nachbar' (Pfuhl 688), н.-луж. *sused* то же (Muka II, 568), польск. *sąsiad* 'сосед' (Warsz. VI, 40, Linde V, 197), др.-русск. *сусѣдъ* 'сосед, жилец, постоялец' (Срезн. III, 629), русск. *сосéд*, *сусéд* (Даль[3] IV, 417), укр. *сусíд* 'сосед' (Гринч. IV, 231), блр. *сусéд*.

Праслав. **sǫsědъ*, помимо несомненных близких родственных связей с **sědjǫ*, **sěděti* (см.) стоит в отношениях полного словообразовательно-лексического параллелизма с лат. *con-sŭl* '*консул*' < **con-sel* (с l 'сабинским' < d, ср. *consilium*—стар. *considium*) < **con-sed*, далее сюда же лат. *con-sīdo*, *con-sēdi*, *con-sīdere* 'садиться, поселиться' (см. о лат. словах прежде всего Conway IF II, 166, Walde[2], Walde-Hofm II, s. v., Ernout—Meillet[4] I, 138—139). Архаический характер лат. и слав. образований делает не лишенной вероятности мысль об исходном для

них обоих и.-е. **kom-sed-*. Праслав. **sǫ-sědъ* в области корневого вокализма захвачено инновационной долготой, что вообще характерно для продолжений и.-е. **sed-* в балт. и в слав. (балт. **sēd-*, слав. **sěd-*), тем более, что слав. слово сохранило, напр., в отличие от лат. *consul*, прозрачность словообразовательной структуры до наших дней.

Прочие этимологии (см. Vasmer II, 701).

***sǫvęzь/ъ**: сербохорв. *сýвез*, м.: нас смо два у сувезу, т. ј. скупа оремо; сваки по два вола то је сувез (Iveković-Broz II, 500; Riečn. XVII, 86: также 'союз'), блр. *су'вязь* 'связь'.

Праслав. диал. **sǫvęzь* представляет собой именной член архаической пары **sǫ-vęzь* — **sъ-vęzati*, в отличие от более поздней, с обобщением гл. префикса: **sъ-vęzь* (см.)/**sъ-vęzъkъ* (см.): **sъ-vęzati*.

***spina**: польск. стар., диал. *spina*, *śpina* 'хребет, позвоночник' (Warsz. VI, 294), др.-русск. *спина* 'верхняя (хребтовая) часть рыбной туши': спина бѣлужья. . ., двѣ спины осетрьихъ. — Наказ. Бор. Сев. 1563 г. (Срезн. III, Доп. 247), русск. *спина*, диал. (тамб.) *спин* 'задняя (у человека) или верхняя (у животного) часть туловища' (Даль[3] IV, 439), укр. *спи́на* 'спина' (Гринч. IV, 175), блр. *спíна* 'спина'.

Праслав. диал. **spina* близко родственно лат. *spīna* 'шип' (см. подробно Vasmer II, 708), где и дальнейшие соответствия. Заимствование через польск. из лат. маловероятно, вопреки Миклошичу и Брюкнеру (см. Miklosich 318, Brückner 309). — Дату первого русск. свидетельства, приводимого у Фасмера (Аввакум), можно отодвинуть еще на одно столетие, см. выше пример из Срезн.

***sъličьnъjь**: ст.-слав. **сълично** 'подобно' (Euch. Sin., Sadnik—Aitzetmüller 128), цслав. **съличь** 'facie ad faciem' (Miklosich Lex. 931), сербохорв. *сли̏чан* 'passend, angemessen, congruens, ähnlich, similis (Караджж. 714), чеш. *sličný* 'подходящий, удобный, красивый' (Jungm. IV, 149), польск. *śliczny* 'прекрасный' (Warsz. VI, 729, Linde V, 284).

Праслав. **sъličьnъjь* представляется слав. оформлением основы праслав. **sъ-lik-*, словообразовательный и семантический параллелизм для которой мы можем указать в герм., ср. прежде всего гот. *ga-leiks* ὅμοιος 'по-

хожий', нем. *gleich* 'равный', др.-исл. *g-lik-r* то же (Feist[3] 188, Holthausen Vgl. u. etym. Wb. des Awn. 89), ср. аналогичные связи праслав. **sǫčělьnъjь* (см.). Далее см. **lice*. Об этих сложениях в гот. (см. специально Benveniste BSL LVI, 1961, 28). Едва ли правдоподобна мысль об отражении здесь (*sъ-*) и.—е. **su-* 'хорошо, прекрасно' (Machek 453—454).

***sъměna**: сербск.-цслав. **съмѣникъ** 'socius in negotiis' (Miklosich Lex. 937: 'vocabulum dubium'), чеш. *směna* 'vyměna, vystřídání pracovníků' (Trávn. 1417), слвц. *smena* 'смена' (Isačenko II, 339), др.-русск. *съмѣнити* 'обменить' (Срезн. III, 762), русск. *сменя́ть смени́ть* 'заменить, променять одну вещь за другую' *смени́ть* 'сравнить, сличить' (Даль[2] IV, 241).

Полезно иметь в виду словообразовательно-морфемную близость лат. *com-mūnis* (**com-moinos*, пралат.) 'общий', нем. *gemein* (прагерм. **ga-maina-*) то же и праслав. **sъ-měn-*, ср. знач. сербск.-цслав. примера. Необходимо указать на четкое, по-видимому, первонач. различие значений праслав. **sъ-měna* и **jьz-měna*, **jьz-měniti* (см.): **sъ-měna* — что-то вроде 'совместная мена' (*sъ-* < *k̑o-*, *měna* < **moịnā*), ср. знач. 'общий' у итал.-герм. слов. Если верно сказанное, то мы получаем важную итал.-герм.-слав. словообразовательную и семантическую изоглоссу.

***sъmьrtь**: ст.-слав. **съмрьть** 'θάνατος, mors' (Клоц., Супр. и др., Sadnik—Aitzetmüller 129, Miklosich Lex. 936), болг. *смърт* 'смерть' (Геров s. v., Дювернуа 2205), сербохорв. *сме̑рт* 'der Tod, mors' (Караджж. 719), словен. *smȓt* 'смерть' (Pleteršn. II, 523), чеш. *smrt* 'смерть' (Jungm. IV, 192), слвц. *smrť* 'смерть' (Isačenko II, 341), в.-луж. *smjerć* (Pfuhl 651), н.-луж. *sḿerś* (Muka Sł. II, 462), польск. *śmierć* 'смерть', (Warsz. VI, 739, V, 313), др.-русск. *съмьрть* 'смерть' (Срезн. III, 760 и след.), русск. *смерть*, укр. *смерть* 'смерть' (Гринч. IV, 157), блр. *смерць* 'смерть'.

Популярная этимология, согласно которой праслав. **sъmьrtь* представляет собой сложение с полнозначным прил. и.-е. **su-* 'хорошо, хороший' (Machek ZfslPh, VII, 1930, 378, см. еще Machek 311, Vasmer II, 671—672), не может, по-видимому, претендовать на достоверность; **sъ-mьrtь* является скорее всего праслав. новообразованием сравнительно с более стар. **mьrtь* (:лит. *mirtis*,

лат. *mors*, *mortis* 'смерть', нем. *Mord* 'убийство' < и.-е. **mṛt-s*), и сложение с проблематичным продолжением и.-е. **su-* 'хороший' допускать для этой эпохи мы не можем за неимением более сильной аргументации. Более целесообразно и плодотворно изучение связей праслав. **sъ-mьrtь* с соотносимыми гл. формами, каково, напр., праслав. **sъmerti* (см.), продолжения которого и сейчас известны на зап.-слав. территории, далее — лат. *commorior* (*com-mortuus sum*) 'умирать вместе'. Очевидно, **sъ-mьrtь* — сложение с предл.-приставкой **sъ-*.

***sъnĕsti, *sъnĕdati**: цслав. **сънѣсти, сънѣмь, сънѣдати** 'ἐσθίειν, κατεσθίειν, comedere' (Miklosich Lex. 942), сербохорв. *снести* 'съесть' (редкое, стар., Rječn. XV, 842), *сниjедати* (только у Стулли, цслав.?, Rječn. XV, 844), чеш. *snídati* 'завтракать' (Trávn.[4] 1423, Jungm. IV, 210), польск, *śniadać* 'есть; завтракать' (Warsz. VI, 745, Linde V, 324), др.-русск. *сънѣдати* 'есть, поедать; разорять' (Срезн. III, 781), укр. *снíдати* 'завтракать' (Гринч. IV, 162).

Функциональную характеристику приставочного образования ст.- слав. **сънѣсти, сънѣдати** (см. Słoński. Funkcje prefiksów werbalnych 232).

Полный морфемно-словообразовательный и семантический параллелизм наблюдаем между праслав. **sъnĕdati* и лат. *com-edo* (*com-estum*, *com-edĕre*) 'съедать'. На предпочтительное соединение основы *ed- именно с этой приставкой и его мотивы обратил внимание Вандриес. Дальнейшие материалы по этимологии приводятся на праслав. **ĕdmь*, **ĕsti* (см.). На ю.-слав. территориях представлено **jьzĕdmь*, **jьzĕsti* (см.) в том же знач. и с собственным соответствием в лат. *ex-edō* 'пожираю'.

***sъnuščati (sę)**: укр. *знущáтися* 'издеваться' (Гринч. II, 176, Укр.-русск. II, 258). Это исключительное укр. слово едва ли может быть признано новообразованием, к тому же, на современном этапе оно представляется уже 'деэтимологизировавшимся'. С другой стороны, имеется возможность довольно четкой фономорфологической реконструкции праслав. **sъnuščati sę*, т. е. **sъn-uščati sę*, сложение с приставкой **sъn*-первоначального **uščati* < **ustjati* (откуда и польск. *pod-uszczać* 'подстрекать'), родственного прасл. **usta* (см.), но, кроме того, имеющего собственное точное соответствие в лит. диал. *áuščioti* 'schwatzen, reden, munkeln': žmónės auščioj

'die Leute reden, sprechen heimlich' (Kurschat Lit.-deutsch 33), лтш. *aũšât* 'болтать, нести чепуху' (Mülenb.-Endz. I, 230). О лит. *áuščioti* (см. Fraenkel LEW, Lief. 1, 26—27).

Насколько известно, на эту возможность объяснения укр. *знущáтися* до сих пор не обращали внимания. Современное гл. управление (*знущáтися з когó*) не должно рассматриваться как серьезное препятствие для данной этимологии, поскольку оно могло появиться вторично, ко времени забвения внутренней формы **sъn-uščati* (*sę*). Возможность связи с близким по значению польск. *znęcać się* скорее сомнительна и нуждается в дополнительном изучении.

***sъpnьje**: ст.-слав. **съние** 'сновидение, сон' (Син. пс., Sadnik—Aitzetmüller 129), сербск.-цслав. **съние** 'ἐνύπνιον, somnium' (Miklosich Lex. 940), болг. *сѐне* в выражении *на сѐне* 'во сне' (Бернштейн[2] 750, Геров, Речн. на съврем. бълг. книж. ез., Дювернуа 2302), русск.-цслав. *съние*, *сонuе* 'сновидение, бред, выдумка' (Срезн. III, 774).

Праслав. **sъpnьje* реконструируется гл. обр. на материале ю.-слав., точнее — цслав. происхождения (сербск.-цслав., русск.-цслав.). В конечном счете, очевидно, это старый лексический болгаризм. Может квалифицироваться как праслав. диал. элемент.

Давно обращено внимание на полный словообразовательно-морфологический параллелизм между праслав. **sъpnьje*, с одной стороны, и др.-инд. *svapnya-* (вед.), греч. ἐν-ύπνιον, лат. *somnium*, с другой (см. Fick[3] I, 257, Walde[2] 724, Walde-Hofm. II, 557 и след., Ernout—Meillet[3] 1120—1122, Vasmer II, 694). Совершенно четкая связь праслав. **sъpnьje* с праслав. **sъpnъ* (см.) является, по всей вероятности, не инновацией праславянского, а продолжением и.-е. отношения **su̯opno-* / **supno-*: **su̯opni̯o-* / **supnio-*. Четкий первоначальный характер отношения подтверждается преимущественным значением форм на *-i̯o-* 'сновидение, то, что происходит во сне' (**su̯opno-*).

***sьršьlъ**: ср.-болг. **стрьшьлъ** 'crabro' (Miklosich Lex. 895), болг. *стършел* то же (Геров, Младенов 699), сербохорв. *ср̏шљен* 'die Horniss crabro' (Караджж. 733), словин. *sè. ršěl* м. 'шершень' (Lorentz II, 1015).

Праслав. **sьršьlъ* представляет собой стар. вариант праслав. **sьršenь* (см.) с несколько причудливой тер-

риторией распространения, располагающий собственными соответствиями (с расширителем основы *-l*) за пределами слав., ср. лит. *šìršlỹs*, *šìršalas*, *šìršuolis*, др.-прусск. *sirsilis* 'шершень', нидерл. *horzel* 'шершень' (см. Miklosich Vgl. Stammb. 113 с устаревшей точкой зрения о вторичности здесь суф. *-ьlъ*, Trautmann BSW 305—306).

šьja: ст.-слав. **шиꙗ** 'шея' (Супр., Sadnik—Aitzetmüller 135, Miklosich Lex.), болг. *ши́я* 'шея' (Дювернуа 2589), сербохорв. *ши̏ја* 'der Hals (der Gänse, Krebse), collum' (Iveković—Broz II, 527, Караdж. 867), словен. *šíja* 'der Nacken, das Genick; der Hals' (Pleteršn II, 627), чеш. *šíje* 'шея' (Jungm. IV, 456), слвц. *šija* то же (Исаченко II, 433), в.-луж. *šija* (Pfuhl 713), н.-луж. *šyja* (Muka II, 692), польск. *szyja* 'шея' (Warsz. VI, 700, Linde V, 583), др.-русск. *шия*, *шея* 'шея, ключица, плечи, спина' (Срезн. III, 1596), русск. *ше́я*, укр. *ши́я* 'шея' (Гринч. IV, 497), блр. *шы́я* 'шея'.

Праслав. **šьja* родственно и морфологически тождественно др.-исл. *sýja* ж. 'шов, досчатый настил' (см. о последнем Holthausen Vgl. u. etym. Wb. des Awn. 295, de Vries 572), особенно если учесть фонетическую эволюцию праслав. **šьja* < **šija* < **si̯ūi̯ā*. О дальнейших этимологических связях основы материал приводится на праслав. **šiti* (см.). См. еще (Vasmer III, 396), где помимо указания о родстве с *шить* содержится ряд менее вероятных сближений с лат. *sinus* 'залив, пазуха, лоно', алб. *gji*, *gjiri* 'грудь' или *shi* 'затылок'.

ščьlbъ: русск. диал. (олон.) *щоло́б* 'красная глина' (Кулик. 140), укр. *щовб* 'крутая верхушка горы, утес' (Гринч. IV, 529).

Праслав. диал. **ščьlbъ* исконнородственно др.-исл. *skjǫlf* ж. 'холм', 'отмель', др.-англ. *sćelb*, *sćielf* 'острие, зубец', англ. *shelf* 'доска, карниз, полка; отмель', нидерл. *schelf* 'куча' (о герм. словах см. Holthausen Vgl. u. etym. Wb. des Awn. 254), где имеется сближение лишь с более отдаленным ст.-слав. **скала** (см. еще de Vries 494, Vasmer III, 453).

ustьje: болг. *у́стие* 'устье; горлышко, отверстие сосуда; горловина ущелья' (Речн. на съврем. бълг. книж. ез. III, 505, Геров V, 457), словен. *ȗstje* 'устье (реки); отверстие печи' (Pleteršn. II, 735), чеш. *ústí* 'устье' (Jungm. IV, 798), слвц. *ústie* 'устье; дуло, жерло' (Исаченко II, 535), польск. *uście*, *ujście* 'дуло, устье, горло (вина)'

(Warsz. VII, 257, Cnapius II, 1201), др.-русск. *устие* 'отверстие (колодца), край, устье' (Срезн. III, 1282), русск, *ýстье* 'край отверстия трубки, раструб, жерло' (Даль[2] IV, 514), укр. *ýстя* ср. 'устье (реки)' (Гринч. IV, 360).

Праслав. **ustьje* помимо связи с праслав **usta* (см.) характеризуется еще наличием собственного полного лексического соответствия, включая словообразовательное оформление *-i̯o-*: лат. *ōstium*, вариант *austium*; слав.-лат. тождество отмечено, напр., у Walde-Hofm. II, 228 (см. еще Pokorny I, 784—785), где говорится об и.-е. **əu-stii̯om*.

***usъpnǫti**: ст.-слав. **оусъпнѫти** 'уснуть, почить' (Sadnik—Aitzetmüller 146), болг. *ýсна, уснам* 'уснуть' (Дювернуа 2440, Геров), сербохорв. диал. *ỳснути* 'заспати' (Iveković—Broz II, 664, Караджю 816), чеш. *usnouti* 'уснуть' (Jungm. IV, 789), слвц. *usnút'* то же (Исаченко II, 532), в.-луж. *wusnyć* 'уснуть' (Pfuhl 928), н.-луж. *husnuś* то же (Muka I, 456), польск. *usnąć* (Warsz. VII, 370), др.-русск. *усънути* 'заснуть' (Срезн. III, 1295), русск. *уснýть*.

Следует указать на словообразовательно-лексический параллелизм, существующий между праслав. **(u)sъpnǫti* и др.-исл. *sofna* 'to fall asleep' (Cleasby-Vigfuss. 578), ср. Маслов, — «Доклады к IV Международному съезду славистов» 21; данный параллелизм (тождественная исходная основа **sŭp-ne-*) может служить косвенным указанием о древности праслав. **(u)sъpnǫti* вплоть до возможной констатации единой исходной и.-е. праформы для праслав. и герм. слов. Дальнейшие этимологические связи и литература приводятся на праслав. **sъpati* (см.), **sъpnъ* (см.). См. еще о др.-исл. слове de Vries 528. См. **zasъpnǫti*.

uže (u že): ст.-слав. **оуже** 'уже' Sadnik—Aitzetmüller 148, Miklosich Lex. 1029, 1043), болг. *уж* 'уже', сербохорв. *jÿр* 'уже', словен. *užè*, *(v)žè* 'schon' (Pleteršn. II, 743), чеш. *už* 'уже', *již* то же (Jungm. I, 628, IV, 839), слвц. *už* 'уже' (Isačenko II, 547), в.-луж. *huž*, *hužo* 'schon, bereits' (Pfuhl 227), н.-луж. *huž*, *južo* 'schon, уже' (Muka Sł. I, 472, 560), польск. *już* 'уже' (Warsz. II, 190, Linde II, 925), др.-русск. *уже* (Срезн. III, 1164), русск. *ужé*, *уж*, диал. *ужó* 'позже, после' (Даль[3] IV, 966—967), укр. *ужé*, *вжé* (Гринч. IV, 322), блр. *ужó* 'уже'.

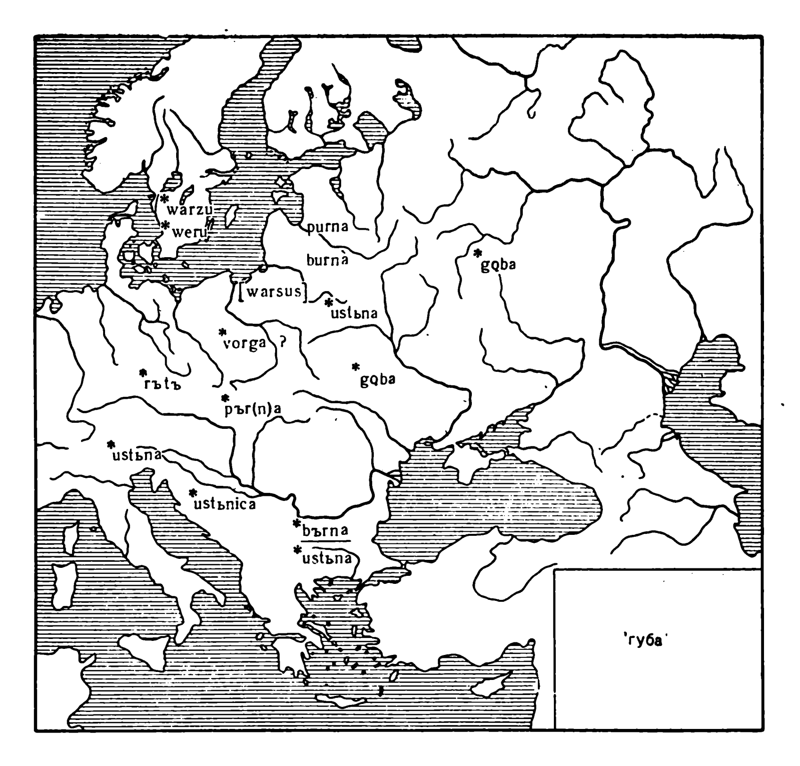
Праслав. *uže (собственно *u že) тождественно по структуре и входящим морфемам целой группе и.-е. образований (гл. обр. — герм. и греч.), ср. гот. auk γάρ (см. о нем Feist[3] 67), др.-исл. auk, ok (Holthausen Vgl. u. etym. Wb. des Awn. 8), др.-англ. ēac, др.-фриз. āk, др.-сакс. ōk, др.-в.-нем. ouh, нем. auch 'тоже', греч. αὖ-γε 'опять-таки' (см. о последнем Boisacq 99, Frisk I, 183). При всей древности сочетания (групповой лексемы) *u že, четкость его структуры сохранилась, напр., в соврем. русск. Образовано соединением темпорально-локального наречия и.-е. *au с усилит. част. *ge. См. праслав. *že, далее — праслав. *ju (že).

***věda**: чеш. *věda* 'знание, ученость, наука' (Jungm. V, 46), слвц. *veda* 'наука' (Isačenko II, 558), укр. *вíда* 'весть, слух' (Гринч. I, 203), блр. *вéда* 'знание' (Байкоў-Некраш. 57).

Праслав. диал. **věda* представляет собой потенциальное стар. образование с собственным важным параллельным соответствием в др.-инд. *veda-* 'knowing, knowledge' (Monier Williams 963). С известной долей вероятности можно принять для той и другой формы исходное и.-е. **u̯oi̯dā*, отглагольное имя. Старое лексико-словообразовательное праслав. диал. размежевание наблюдаем на примере отношений праслав. диал. **věda* — праслав. диал. **vědja* (см.), каждое из которых имеет шансы считаться не продуктом местной инновации, а более древним наследием, ср. наличие у каждой из форм более далеких и.-е. соответствий. Остальные этимологические соответствия и литературу см. под **vědmь* (см.), **věděti* (см.).

***vědja**: польск. *wiedza* 'знание, наука' (Warsz. VII, 560, Linde VI, 200), сюда же русск. *не-вéжа*, цслав. *не-вѣжда* 'ἀγνώστης, ignarus' (Miklosich Lex. 423) (nomen actionis > nomen agentis?).

Относительно праслав. диал. **vědja* возможны два объяснения: образование ж. р. с адъективным формантом *-i̯ā* от праслав. **věda* (см.) или — помимо него — продолжает более стар. и.-е. **u̯oi̯di̯ā* **u̯idi̯ā*. В таком случае к праслав. диал. **vědja* примыкают тождественные в существенных чертах др.-в.-нем. *wizze* 'ratio' (Ноткер), др.-инд. *vidya* ж. 'знание, искусство'. (О нем. слове см. специально Trier. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes I, 66; Kluge[15] 883: *Witz*.)

***veztelь**: цслав. *вестеле* (XV в.), им. мн. м. р. ʻпловцы ναῦται' (Slovn. jaz. stsl.).

Ср. поучительный параллелизм праслав. диал. **veztelь* и др.-инд. *voḍhar* (из **vahtar*) ʻтот, кто везет, вьючное животное', авест. *vastar* м. ʻвьючное животное', лат. *vector* ʻтот, кто везет' (*-tel-* : *ter-*) (см. о последних: Fick[3] I, 207, Ernout—Meillet II, 1267—1268).

***vorga**: польск. *warga* ʻгуба' (Linde VI, 135, Warsz. VII, 460).

Праслав. диал. **vorga* (первонач. форма недостаточно ясна) предполагается нами исключительно на основе польск. слова, поскольку доказательства позднего образования или позднего заимствования последнего пока отсутствуют. Суждение о праслав. диал. **vorga* конкретизируется при сравнении с его синонимами в других слав. языках, ср. прилагаемую карту-схему ʻгуба', где нанесены основные слав. названия в праслав. терминах,

сведения о них см. в соответствующих статьях словаря. Обращает на себя внимание отсутствие единообразия и господство региональных форм: **gǫba*, **ustьna*, **bъrna*, **pъrna*, **rъtъ*, **vorga*. Изоглоссы четко региональны и сложны: **ustьna* (блр., болг.), **bъrna* (болг. — лит.), **pъrna* (слвц. — лтш.). Карта и этимология отдельных названных слов учат, что названия губы гл. обр. вторичного, экспрессивного происхождения; часть из них — дериваты от названия рта. Названия губ в и.-е. вообще неустойчивы. Вместе с тем здесь есть несомненно древние факты.

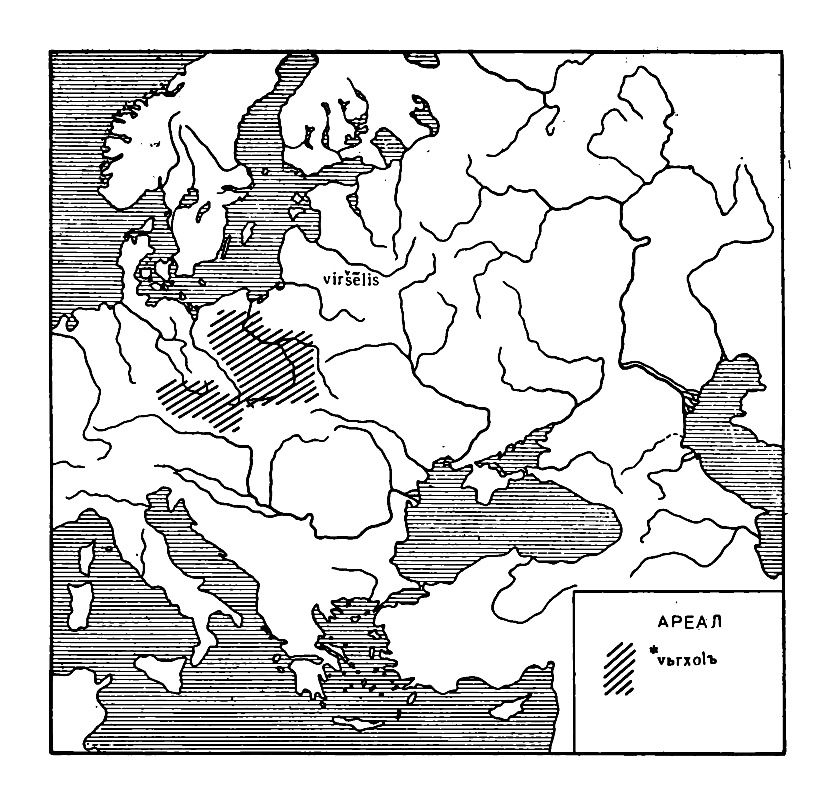
В связи со сказанным ср. указание Брюкнера на древность исключительно польского *warga* (Brückner 602). Здесь можно назвать такие неслав. формы как др.-прусск. *warsus* 'губа' (Trautmann Apr. Sprd. 2, 458), герм. **weru-*, откуда гот. *waírilo*/*waírila* χεῖλος 'губа', др.-фриз. *were* 'губа', и герм. **warzu-*, откуда др.-исл. *vǫrr* 'губа' (Feist[3] 545). Связи этих слов выяснены далеко не полностью. (см. еще Miklosich 376: *varga*).

***vъniti**: ст.-слав. **кънити** 'войти' (Sadnik—Aitzetmüller 155), словен. *vníti*, *vnídem* 'hineingehen, eintreten' (Pleteršn. II, 779), польск. *wniść* 'войти' (Warsz. VII; 669), др.-русск. *вънити* 'войти' (Срезн. I, 389).

Ср. лат. *in-ĕo*, особенно суп. *in-ĭtum* 'входить, войти', параллельное в словообразовательно-морфологическом отношении. Дальнейшие подробности см. на **jьti*. — Древняя словообразовательная модель праслав. **vъn-iti* замещена почти повсеместно на слав. территориях в порядке словообразовательного воспроизводства более новым **vъ-jьti* (см.).

***vьrxolъ**: чеш. *vrchol* 'верхняя часть, верхушка, вершина' (Jungm. V, 186), польск. *wierzchołek*, *wierzchoł* 'вершина, верхушка' (Warsz. VII, 589), (возможно, что блр. *вершалíна* 'борона, вид сохи', собственно — верхушка ствола ели [А. Сержпутовский у Зеленина — Zelenin. Russische Volkskunde 22] продолжает форму, заимствованную прямо из лит. *viršẽlis*).

В слове **vьrxolь* можно допускать ранний праслав. словообразовательно-лексический диалектизм: наряду с известной основой на *-й* **vьrxъ* (см.) — производное с формантом *-ol-* **vьrxolъ* (< **vĭrsolo-*), точно покрывающееся с балт. **vĭršala-*/**vĭršelja-*, откуда лит. *viršẽlis* 'верхушка'. Важно отметить и в балт. и в слав. языках

независимость этого образования от основы: балт. **vir̃šŭ-s* — **vir̃šala-s*, как слав. **vĭrxŭ* — **vĭrxolo-*.

***zolkъ**: ст.-слав. злакъ 'зеленая ботва, трава' (Син. пс., Sadnik—Aitzetmüller 167), болг. *злак*, мн. *злáкове* 'травы' (Речн. на съврем. бълг. книж. ез., Младенов БТР I, 798), сюда же русск. диал. (яросл.) *зелóк* 'молодая трава' (с отличием вокализма, вызванным влиянием слов вроде *зеленый* и под.; см. о последней диал. форме Трубачев. — «Этим. иссл. по русск. яз.» II, 1962, 36—37).

Праслав. **zolkъ* представляет собой расширение основы **zel-* / **zol-* детерминативом *-k-*. Праслав. **zolkъ* кроме тесных родственных связей с другими праслав. дериватами от того же корня обнаруживает черты почти полного параллелизма с фриг. названием овощей, ср. при-

водимое Гесихием ζέλκια. λάχανα. Φρύγες (Hesychii Alex. Lexicon, s. v.).

***zǫbatъjь**: болг. *зъба́т* 'зубастый' (Речн. на съврем. бълг. книж. ез., Младенов БТР I, 818), сербохорв. *зу̏бат* 'зубастый' (Iveković-Broz II, 854, Караdж. 233), словен. *zobàt* 'zähnig, gezähnt; grosszähnig, vielzähnig' (Pleteršn. II, 937), чеш. *zubatý* 'зубатый' (Jungm. V, 790), слвц. *zubatý* 'зубастый' (Isačenko II, 799), в.-луж. *zubaty* (Pfuhl 1030), н.-луж. *zubaty* (Muka Sł. II, 1113), польск. *zębaty* 'зубастый' (Warsz. VIII, 464), русск. *зуба́тый*, *укр. зуба́тий* 'зубастый' (Гринч. II, 187), блр. *зуба́ты*.

Тождественное словообразовательное расширение видим в др.-исл. *kǫmbōttr* 'mit Kamm versehen' (см. последнее в: Holthausen Vgl. u. etym. Wb. des Awn. 171). Учитывая древность словообразовательной модели прил-ного на *-atъ(jь)* в слав., можно считаться с вероятностью отражения здесь и.-е. **ĝhombhōto-s* (: **ĝhombho-s*, **ĝhonbho-s*, см. праслав. **zǫbъ*), как, впрочем, и с допустимостью независимого развития здесь параллельных форм.

***zoltьnъjь**: ст.-слав. **златьнъ** 'золотой' (Супр., Sadnik—Aitzetmüller 167), бол. *зла́тен* 'золотой' (Речн. на съврем. бълг. книж. ез., Младенов БТР I, 799), сербохорв. *зла́тан* 'golden, aureus' (Iveković-Broz II, 845, Караdж. 219), словен. *zlâten* 'golden' (Pleteršn. II, 923) наряду со *zlât* то же.

Праслав. диал. **zoltьnъ(jь)* выступает на ю.-слав. территориях в той же функции, что и праслав. **zoltъjь* (см.) на большей части слав. территории. Праслав. диал. **zoltьnъ(jь)* имеет за пределами слав. языков словообразовательное соответствие в герм., ср. прил. гот. *gulþeins* χρυσοῦς 'золотой', др.-исл. *gullenn*, др.-англ. *ȝylden*, др.-фриз. *gelden*, др.-сакс., др.-в.-нем. *guldīn* (см. о герм. словах Feist[3] 225).

Дальнейшие этимологические связи даны под **zolto* (см.). Праслав. диал. варианты **zoltъjь* и **zoltьnъjь* — и то и другое в знач. 'золотой', прил. — с их собственными сепаратными неславянскими соответствиями могут рассматриваться как потенциальные древние лексические различия праслав. диалектов (впрочем, не исключена возможность вторичного оформления на *-ьno-* в местных условиях).

***zvěrinъjь**: ст.-слав. **звѣринъ** (Sadnik—Aitzetmüller 168), словен. *zverînski* — 'wilden Tieren eigen, sie betreffend' (Pleteršn. II, 945), др.-русск. *звѣриныи* 'звериный', *звѣриньскыи* (Срезн. I, 965—966), русск. *звери́ный*, укр. *звіри́ний* (Гринч. II, 132), блр. *звяры́ны*.

Праслав. **zvěrinъ(jь)*, осложненное иногда другими суффиксами (напр. *-ьsk-*), имеет полное словообразовательно-лексическое и семантическое соответствие прежде всего в лат. *ferīnus* 'звериный'. Вполне возможно, что мы имеем право говорить здесь об и.-е. **ĝhu̯ĕrīno-s*, связанном с согласной основой и.-е. **ĝhu̯ĕr*. Подробности этимологии обсуждаются ниже, на **zvěrь* (см.). Отношения **zvěrь* — **zvěrinъ(jь)*, возможно, продолжают (или повторяют) и.-е. отношения **ĝhu̯ĕr* — **ĝhu̯ĕrīno-s*, не будучи подлинной словопроизводной инновацией праславянского.

***zemjanъjь:** болг. *зе̏мян* 'земляной' (Речн. на съврем. бълг. книж. ез. I, Младенов БТР I, 793—794), сербохорв. *зе̏мљан* 'irden, terreus, fictilis': земљан суд за јело (Iveković-Broz II, 839, Караdж. 217), н.-луж. *zemjany* 'земной, земляной' (Muka Sł. II, 1077), русск. *земляно́й* 'к земле как к веществу относящийся' (Даль[3], I, 1692), укр. *земляни́й* (Гринч. II, 149), блр. *земляны́* то же.

Праслав. **zemjanъjь* представляет, по-видимому, древний вариант наряду с праслав. **zemьnъjь* (см.). Помимо четкой этимологической связи с праслав. **zemja* (см.) для праслав. **zemjanъjь* < **zemi̯ēno-* интересно отметить наличие лексико-словообразовательного соответствия в авест. *zəmaēna-* 'земляной' (см. о последнем Fick[3] I, 323, Bartholomae Air. Wb. 1690), что дает основание для предположения слав.-ир. изоглоссы с исходным и.-е. диал. **ĝhemoi̯no-* / **ĝhemi̯oi̯no-* или же лишь для констатации параллельного развития близких форм. — Праслав. **zemjanъjь* и **zemьnъjь* обладали, судя по всему, первонач. семантическими отличиями.

***ženьskъjь**: ст.-слав. **женьскъ** (Sadnik—Aitzetmüller 168), болг. *же́нски* 'женский' (Речн. на съврем. бълг. книж. ез., Младенов БТР 1, 670), сербохорв. *же̏нскӣ* 'weiblich, muliebris' (Iveković—Broz II, 866, Караdж. 164—165), словен. *žénski* 'weiblich, Weiber-' (Pleteršn. II, 959), чеш. *ženský* 'женский' (Jungm. V, 840), слвц. *ženský* (Isačenko

II, 814), н.-луж. *žeński* (Muka Sł. II, 1145), польск. *żeński* 'женский' (Warsz. VIII, 708), др.-русск. *женьскыи* (Срезн. I, 859), русск. *же́нский*.

Помимо тесной связи с праслав. **žena* (см.) нужно указать тождественное по своей селективной характеристике сочетание морфем др.-исл. *kvėnska* ж. 'женский нрав, целомудрие' (Holthausen Vgl. u. etym. Wb. des Awn. 167).

СОДЕРЖАНИЕ

Этимологический словарь славянских языков

Утверждено к печати Институтом русского языка Академии наук СССР

Технический редактор *Н. Ф. Егорова*
Корректор *Л. О. Коган*

Сдано в набор 8/I 1963 г.
Подписано к печати 11/IV 1963 г. Формат 84×108[1]/32.
Печ. л. 3 = 4,92 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 4,8.
Тираж 2000 экз. Изд. № 1663. Тип. зак. № 15.

Бесплатно

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

п е к
ределе
в . .
тория
еобхс
ыков
ль сл
оконст
сть р
имоло
ческо
овни
Кратк
гичес
Стру
ыков
робні
н ы і

Бесплатно